

ПОЛИГОН

ЗАРЯ ЦВЕТА ПЕПЛА

Владимир Свержин

Владимир Сержин

Заря цвета пепла

Серия «Институт экспериментальной
истории», книга 17

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4436363

Заря цвета пепла: Астпель; М.; 2012

ISBN 978-5-271-45537-7

Аннотация

Кровавые события Великой французской революции разворошили европейский муравейник. Столкновения интересов сторонников и противников новой Франции достигли небывалой остроты. Все ключевые игроки на политической шахматной доске спят и видят, как бы сделать непобедимого Наполеона Бонапарта послушным орудием в своих руках. Ведь молодой генерал – горящая свеча на бочке с порохом. Если рванет, так аукнется, что и в соседних мирах отзовется.

Опытные сотрудники Института Экспериментальной Истории Вальдар Камдил и Сергей Лисиченко по прозвищу Лис отправляются в Париж – разобраться в хитросплетениях интриг и аккуратно направить ситуацию в безопасное русло.

Короновать принца? Сделаем!

Спасти Наполеона? Нет проблем!

Перехитрить Талейрана? Можно попытаться...

Более того, оказывается, именно в этом мире наши герои уже побывали пару сот лет назад...

Содержание

Пролог	5
Глава 1	14
Глава 2	37
Глава 3	55
Глава 4	74
Глава 5	92
Глава 6	111
Глава 7	128
Конец ознакомительного фрагмента.	145

Владимир Свержин

Заря цвета пепла

Я в Мордор нес кольцо – и вдруг цыгане...
Фродо Бэггинс

Пролог

Маленькая рыбка лучше большого червя.
Апостол Андрей

Лорд Баренс нажал кнопку на пульте и произнес бархатистым голосом царедворца:

– Обратите внимание...

– Спаситель обращал воду в вино, Мерлин – одного мужика в другого с целью создания третьего. Во что будем обращать внимание? – Сергей Лисиченко придал лицу выражение насмешливой заинтересованности.

– Пока что в молчание, – с легким недовольством ответил гуру разработчиков Института Экспериментальной Истории.

– Не, ну это как-то совсем не прикольно...

– Лис, погоди! – прервал друга Вальдар Камдил, готовый с надлежащим почтением выслушать, ради чего их, входящих в десятку лучших институтских оперативников, вытащили

из тренировочного зала пред ясны очи научных светил.

Между тем экран ожил, открывая взорам кабинет, убран-
ный с царской роскошью в довольно строгом стиле. За сто-
лом, склонившись над бумагами, сидел человек в зеленом, с
высоким красным воротом, камзоле, пудренем белом пари-
ке и что-то писал отточенным гусиным пером.

Послышался негромкий стук, дверь приоткрылась.

– Ваше императорское величество, позвольте доложить.
Прибыл граф Суворов.

– Зови.

– Но... – докладывающий замялся, – позвольте сказать.
Его сиятельство одет не по форме: в мундир времен покой-
ной государыни.

Император вышел из-за стола, оглядел склонившегося пе-
ред ним вельможу и процедил сквозь зубы:

– Что он смутяян, я знаю. Касательно же сути – граф Алек-
сандр Васильевич стоит десятков иных военачальников, оде-
тых надлежаще. Зови!

– Это что же, Павел Первый, он же последний? – уточнил
Лис.

– Он самый, – подтвердил лорд Баренс. – А в гости к нему,
как вы, несомненно, поняли, сам фельдмаршал Суворов по-
жаловал.

Между тем придворный скрылся за дверью, а в каби-

нет стремительно вошел, почти вбежал сухощавый пожилой мужчина, подвижный, словно пламя свечи на ветру, с забавным хохолком седых волос над высоким лбом. Император страдальческим взглядом смерил великого полководца:

– Я вижу, русскому Марсу нет дела до указов царских.

– Опасаюсь, ваше величество, что в мундире том я уж буду не Марс, а статуй Марсовый. В шагу жмет-с и на голову давит. А в таком положении мне службу на благо Отечества исполнять не подобает.

Павел отступил на шаг и отвернулся, чтобы Суворов не увидел его недовольной гримасы. Он искренне считал фельдмаршала одним из главнейших сокровищ короны, но строптивость и едкие речи лучшего из военачальников выводили его из себя.

Нынешний российский монарх, большую часть дней своих проводший в размышлениях и военных учениях вдали от роскошного двора Екатерины, был убежден, что все решают порядок, железная дисциплина и чинопочитание. Чуть в сторону, и совершенное строение рухнет! Суворов же все делал насупротив, и не втолкуешь. Однако ж, как бить врага, так виктория неизменно сопутствовала ему.

Сочтя за благо на сей раз пренебречь формальностями, Павел вперил в собеседника немигающий взгляд.

– Мой августейший собрат, император Священной Римской империи, и его кригсрат, сиречь военный совет, желали бы видеть вас, Александр Васильевич, во главе союзной ар-

мии. Она же отправляется в итальянские владения Австрийской империи, дабы изгнать неприятеля, искоренив тем самым ядовитую поросль вольтерьянства, и остановить кровавое безумие, именуемое этими гнусными цареубийцами революцией. Что скажете?

– Я польщен их выбором и верю, что русский штык над французским всегда возобладает.

– Что вам известно, господин фельдмаршал, о генералах, которые будут противостоять нам? – Камера бесстрастно зафиксировала пыливый взгляд Суворова, брошенный на императора. Старому полководцу было чему дивиться: никогда еще монархи не интересовались его мнением о личных качествах противника. Да и какое им, по сути, дело – враг сокрушен! Гони супостата! Виктория! Господу хвала!

По-своему оценив повисшую паузу, государь подошел к Суворову так близко, что тот даже чуть отстранился.

– Генералы там и впрямь хороши. В последнюю кампанию союзникам нашим, австриякам, они знатных тумачков надавали. И Бернадот силен, и Массена, и Мюрат, конник отменный. Но, позвольте угадать, ваше величество, уж не молодой ли Бонапарт вас столь заинтересовал?

– Ага, доблестнейший Александр Васильевич, и от вашего взора также не укрылись подвиги нового Ганнибала?! Впрочем, в сокрушении Рима он преуспел даже больше, нежели его античный предшественник.

– Так ведь и Рим уже не тот. Но резвый юноша, что и го-

ворить. Широко да бойко шагает, как бы панталоны не порвать.

– Он что же, по-вашему, из случайных баловней успеха? – насторожился Павел.

– В его кампаниях, беспрерывно, виден тонкий замысел и умение доводить начатое до победного конца. Качество для полководца из самых главных. Но ваше величество правы, корсиканцу определенно благоволит удача. Среди тех, чьи имена звучали в последние годы, чьи воинские успехи случалось наблюдать или о них слышать, этот француз – наипервейший.

– Как вам представляется, так ли этот генерал верен разбойной шайке, захватившей власть во Франции?

– Насколько мне известно, Наполеон вел себя в Италии не как генерал Республики, а как самовластный монарх. Вряд ли такому человеку в радость смиренно гнуть шею пред шайкой каких-то судейских крючков. А при случае решительности ему не занимать.

– Вот и мне сие представляется маловероятным, – просиял император. – Намедни я имел беседу с принцем Конде, вы, как мне кажется, знакомы.

– Так и есть, ваше величество, помню еще с Семилетней войны. Дельный командир.

– Как вам известно, мы предоставили ему и его корпусу, сформированному из эмигрантов, убежище неподалеку от Риги. Так вот, принц тоже склонен полагать, что сей Бо-

напартий, несмотря на медные трубы и лавры, ему расточаемые, скорее противник шайки кровавых интриганов, имеющих себя Директорией, нежели ее верный меч.

— А как же пушки на паперти Святого Роха?¹ Ведь он стрелял в роялистов².

— Это верно. Пожалуй, для сторонников короля было бы лучше, затеяв мятеж в Париже, иметь столь решительного и умелого генерала на своей стороне. Но, увы, они этим не озаботились. Нам же предстоит спешно исправить сию, воистину роковую, ошибку. Принц Конде разделяет мое мнение. Если затея удастся, то в момент, когда мы пошлем своих чудо-богатырей в Австрию и далее, в Италию, вынуждая французов направлять туда все новые войска, сей генерал без особого труда сбросит в Сену этих отвратительных республиканцев. — Павел хлопнул ладонью о стол. — Вот так мы их расплющим, почтеннейший Александр Васильевич!

— Гладко было на бумаге, да забыли про овраги...

— Ни о чем не забыли. — Император назидательно провел пальцем перед носом полководца. — Ни о чем!

— Как изволите, ваше величество. Могу ли я идти?

— Покуда идите, не смею удерживать. Ввечеру жду вас к ужину.

Суворов поклонился и вышел.

¹ Разместив орудия возле церкви Святого Роха в Париже, республиканский генерал Наполеон утопил в крови восстание роялистов.

² Р о я л и с т ы — сторонники королевской власти.

– Мундир смените! – неслось ему вслед.

– Ну что я могу сказать, – слышался голос Лиса, – текст бредовый, но грим хороший. Буквально как вылитые.

– О чем ты, Сергей? – удивился Баренс.

– Ну, я думал, может, какое историческое кино снимают, нас консультантами по эпохе пригласили.

– Это оперативная съемка, – покачал головой лорд Джордж, – смотрите дальше.

Суворов вышел, и, едва закрылась дверь за его спиной, одна из тяжелых бархатных портьер сдвинулась в сторону, и оперативники увидели отражение в зеркале на стене.

– Колонтарев!³ – не сговариваясь, выдохнули Лис и Камдил.

– Браво, друзья мои, браво! Дорогой племянник, – Баренс поглядел на Вальдара, – я уверен, ты не забыл свою первую институтскую операцию. Это действительно Колонтарев, ныне – личный советник императора по вопросам тайной политики.

– Вы все слышали?

– Все до слова, ваше величество, – склонил голову стационарный агент института. – Оценка графа Суворова не оставляет места для дальнейших колебаний.

– После недавней встречи с принцем Конде я убежден,

³ Подробнее см. роман Владимира Сержина «Трехглавый орел».

что он станет искать способ склонить генерала Бонапарта на сторону Бурбонов. В высшей степени разумно, однако нам не с руки оказаться в роли обезьяны, которая таскает каштаны из огня. Мы и так дали приют брату несчастного короля, упокой Господь его душу, и принцу Конде. Если теперь мы и станем участвовать в восстановлении французского трона, сей шаг имеет быть выгоден в первую очередь нам. Нам, а не потомкам веселого короля Генриха и уж тем паче не австриякам с британцами. Союзники-то они союзники, да надо понимать: прежде старый козел начнет давать молоко, чем от таких союзников впредь нам будет выгода. Нынешнее положение дел – причуда высокой политики, не более того. А потому, мой добрый друг, я полагаю наш интерес в том, чтобы сей резвый корсиканец возвел на трон законного наследника престола. Однако служить при этом он должен нам. Уж во всяком случае, я желал бы видеть этого генерала среди друзей России, а не врагов.

– Будет сделано, ваше величество.

– Ступайте. После ужина изложите мне свой план.

– Итак, джентльмены... – Баренс выключил экран. – Царский советник Колонтарев настоятельно просил руководство института прислать вас. Вокруг известного вам по прежним операциям генерала Бонапарта завязывается некий странный узел. От того, как сложится интрига, зависит, превратится ли ряд локальных войн, которые мы именуем Наполео-

новскими, в неконтролируемую мировую бойню, или этого удастся избежать.

– Ну, так ясно. – Лис почесал затылок. – Каштаны уже в огне. Срочно требуются обезьянки, чтобы их оттуда таскать.

Глава 1

Лучший способ предсказать будущее – создать его.

Девиз политтехнологов

Как утверждает мой напарник, жизнь полна импровизаций. Он редко что-либо утверждает с серьезным выражением лица, да и не идет ему это выражение, но к его словам в любом случае имеет смысл прислушиваться. Увидев вчера, правда только в зеркале, аристократическое лицо Колонтарева, я только прошептал себе под нос: «Вот негаданная встреча». Мы не виделись более пяти лет, если следовать хронологии мира рождения, и невесть сколько веков и эпох в нашей фантастической институтской реальности.

Таковы парадоксы темпорального поля! Бывало, проводишь в ином сопределе полгода, выполняя задание, возвращаешься и узнаешь, что отсутствовал лишь неделю. Вначале ощущения взрывают мозг. Временные трансгрессии, как показала неумолимая практика, – суровый удар по организму человека, а порой и по его психике. Не зря же институтские врачи напрягаются, когда во время медосмотра на вопрос «Сколько полных лет?» начинаешь хлопать глазами и нервно хихикать, не зная, что и ответить.

Колонтарев был специалистом по России XVIII века и ра-

ботал стационарным агентом при государыне-матушке Екатерине Великой уже тогда, когда я впервые прибыл в сопредельный мир в качестве племянника и телохранителя лорда Баренса. Подумать только! Джордж Баренс в то время сам, хоть и в особых случаях, отправлялся на выезды, а не сидел в кабинетной тиши, изображая незаходящее светило мировой науки. Или, как величал Лис всех наших разработчиков, научное темнило. Но это он не со зла.

Здесь был другой мир и немного иная эпоха, но если такой опытный стащи вспомнил о нас с Сергеем, значит, у него была веская причина просить оперативного вмешательства, не оповещая об этом ни российского императора, ни беглого французского принца, ни даже Наполеона, как бы мы все к нему ни относились.

Мы ждали хозяина поместья, прогуливаясь анфиладой комнат господского дома его высокопревосходительства действительного тайного советника и кавалера всех российских и многих иностранных орденов Колонтарева. Слуги, как на подбор, все из пленных турок, были с малых лет приучены, что господин – это тот, кто занимает место господина. Увидев поутру отдыхающих в гостевых комнатах незнакомцев, турки живо смекнули, что к важным гостям – друзьям хозяина относиться следует с безусловным почтением. Недавние янычары при этом не забывали пристально следить за каждым нашим шагом. Сам тайный советник появился на канале закрытой связи часа два тому назад, обещал

вот-вот появиться, но встревоженный император все никак не желал расставаться со своим конфидентом.

– Слушай, – облокотившись на завернутого в античную простыню бога, вознесшего длань над парковой аллеей, обратился ко мне Лис, – а чего это институт так переполошился? Ну, перейдет Наполеон служить России, фигня делов, мы это уже проходили. Ситуация, конечно, заковыристая, но чтоб вот так – хватай мешки, вокзал отходит? Шо за суета в честном собрании?

Я подцепил тонким прутиком ползущую вдоль мраморной ступни божью коровку и замороженно смотрел, как она расправляет крылья и взлетает, спешит проведать оставленных на господне попечение деток.

План российского императора при некоторой авантюристности смущал грандиозным размахом. Удайся он, истории будет суждено повернуть с известной всем столбовой дороги в непролазные дебри мировой войны. Лет через сто, глядя на карту Европы, останется лишь гадать: какие страны находились тут прежде?

Да только ли о Европе речь? Англия и без того с Россией на ножах. Всего несколько лет назад по здешнему исчислению британский премьер-министр Питт велел собрать эскадру в сотню кораблей, чтобы поставить на место «зарвавшихся москвитов». К его досаде, русские били турок, и в далекой перспективе трудно было помешать «русскому медведю» прорваться к Нилу и получить от ворот к «жемчужине

английской короны» – Индии.

Я со времен Итона помнил речь Питта в парламенте: «Мы не только превратим Петербург в жалкие развалины, но и сожжём верфи Архангельска. Наши эскадры настигнут русские корабли даже в укрытиях Севастополя! И пусть русские плавают потом на плотах, как первобытные дикари». Если же Россия теперь объединит силы с Францией, извечным врагом Британии, то драка произойдет грандиозная. Заморские колонии – сладкий пирог, отдать его без боя мои соотечественники абсолютно не готовы.

У Англии огромный флот, но довольно слабая армия. Правда, много золота: она купит всех, кто не пожелает встать на ее сторону добровольно, и наймет тех, кто готов рискнуть жизнью за пригоршню монет. И начнется война, мировая война за такую чертову ерунду, которую нормальному человеку без долгих объяснений и не понять: за рынки, за влияние, за торговые дома и банкирские конторы. Где тут добро, где зло? Где справедливость? Кто та прекрасная Елена, ради которой льется кровь и ломаются не копья, но жизни? Кто злой чародей, победив которого можно жить припеваючи?!

Между тем божья коровка провела детей в своем небесном домике и вернулась обратно исследовать мраморную ступню равнодушно взирающего на аллею бога.

– Большая война может быть, – уклончиво ответил я. – Очень большая.

– И все?! – возмутился Лис. – То есть, бонапартовские

пострелушки и танцы с саблями это так, гастроль этнической самодеятельности?!

– Не берусь предсказывать, но, вероятно, да.

– Ты шутишь?

– Разве похоже?

– Кто вас с вашим английским юмором поймет... О, а вон, кстати, и наша лягушонка в коробчонке едет!

– В смысле?

– Разуй глаза, вон карета нашего – или его? – высокопревосходительства.

Редкие и короткие встречи с давними приятелями – радость и печаль институтского оперативника. Посудите сами, за пять лет нашей с Лисом работы действительный тайный советник Колонтарев вместил четверть века беспорочной и ревностной службы Отечеству. И все же радость победила философическую грусть: тост «со свиданьем» в этот вечер звучал столько раз, что и последний турок из местной прислуги к утру мог выговаривать эти слова без акцента. Но, отдавая дань русскому хлебосольству, мы не скрывали озабоченности совсем другими вещами:

– Конечно, Наполеон не должен переходить на чью бы то ни было службу. Тем более втягиваться в масштабные военные авантюры. А таковых вокруг него сплетается множество. Нынче все уже поняли, что он проходная пешка и не сегодня, так завтра станет ферзем. Поэтому каждый правитель не прочь оказаться на месте шахматиста и переставлять дан-

ную фигуру по своему усмотрению.

Скажу более, я чувствую, что где-то неподалеку от Бонапарта затаился некто, мягко, но последовательно навязывающий свою волю всем фигурантам нынешней европейской политики. Какой-то повар незаметно помешивает закипающее варево грядущей войны, добавляет соли и специй по собственному вкусу, а мы об этом таинственном кулинару практически ничего не знаем.

Мы сидели в личном кабинете человека, державшего в кулаке едва ли не все нити официальной и тайной европейской политики.

– Это домыслы или уверенность? – на всякий случай уточнил я.

– Можешь считать, что уверенность. – Колонтарев поглядел на огонь свечи, почти оплывшей и ждущей рассвета, чтобы наконец совсем погаснуть. – Множество косвенных доказательств. Мятеж в Париже, обернувшийся так называемой Великой революцией, спровоцировала нехватка хлеба. За его поставки отвечал герцог Филипп Орлеанский, будущий гражданин Эгалите, а по совместительству – дурак и мерзавец, приветствовавший кровавую бойню и сам сложивший голову на гильотине. Его склады ломились от зерна! У меня есть точные сведения, что он приказал остановить поставки хлеба до особого распоряжения.

– Может, хотел взвинтить цену?

– Нет. Чуть позже это зерно раздавалось едва ли не бес-

платно. Но суть не в том. Филипп от этого ничего не выиграл. А комбинация заранее продумана и четко выполнена. Кто-то же за этим стоял?

Я усмехнулся:

– Быть может, масоны? Я слышал, его высочество гражданин Эгалитэ был активным «строителем божественного чертога».

– Как и большая часть французской аристократии, другой мой, – оценив мою шутку, криво ухмыльнулся Колонтарев. Во время первой нашей встречи он уже был мастером логи, располагавшейся в этом самом доме, наряду с камерой перехода. – Думаю, не стоит напоминать, какова судьба вольных каменщиков, попавших в руки республиканцев?

– Мадам Гильотен неразборчива в связях.

– Именно так, Вальдар. Есть и еще множество странностей. Взять, скажем, очень странное отступление герцога Брауншвейгского под Вальми, которое спасло революционные парижские власти... Все эти события нелогичны и не имеют внятного объяснения каждое в отдельности, но вместе составляют неприглядную картину. Мы, возможно, упускаем из виду какого-то очень деятельного игрока. Скажу больше – даже понятия не имеем, кто он. Следовательно, ваша задача – приклеиться к Наполеону, удержать его от «не обдуманных...», гм... нами поступков и, естественно, обнаружить неведомого пока Институту противника. Думаю, не стоит объяснять, насколько нам важно понять его цели и за-

дачи.

– Да шо уж там, – мой напарник оторвался от разглядывания тонкой гравировки на подаренных ему стационарным агентом пистолях богемской работы, – и ежу понятно. Баланальная задача с одним известным, в смысле Наполеоном, и одним неизвестным.

* * *

Митава встречала приезжих негромким говором бредущих по делам бюргеров, грохотом телег по брусчатке, детским гомоном и общей атмосферой будничной суеты. Кроме дежурного вахтмистра, изучившего подорожную и скомандовавшего поднять шлагбаум, до нас никому не было дела, да и вахтмистр даже не оглянулся вслед проехавшим мимо верховым. Я чуть слышно вздохнул.

– Острый приступ ностальгии? – осведомился Лис.

– Есть немного.

Когда-то между Ригой и Митавой располагался лагерь экспедиционного корпуса Емельяна Пугачева, отправлявшегося в Америку. Как полагал король Англии – для борьбы с мятежниками. Как показала реальность...⁴

– Шляпы, шляпы! Покупайте шляпы! – орал звонкоголосый юнец у открытой двери в лавку.

⁴ Более подробно см. книгу Владимира Сержина «Трехглавый орел».

– Эй, приятель, – Сергей остановил коня, – где найти принца? – Он даже не стал уточнять, какого именно.

– Во-он там, от цирюльни направо, до трактира «Коронованный медведь». Дальше налево, у костела, стало быть, опять направо, увидите, там еще герб с лилиями висит. А вот шляпу не желаете? У нас самые лучшие, не стыдно перед его высочеством снять.

– Тут, понимаешь ли, – Лис тронул шпорами конские бока, – дело не в шляпе.

– А в чем же? – удивилась зазывала.

– В том, чтоб его не прошляпить. – Сергей кинул мальчишке потертый медяк и догнал меня. – Ты чему усмехаешься?

– Вдруг подумалось, что прозвище славного предка французской королевской династии графа Парижского, герцога западных франков Гуго – Капет, на старофранцузском как раз и означает «шляпа». По-моему, это символично.

– А то! – согласился Лис. – Значит, дело таки в шляпе. Вот теперь они со своим Капетом по кругу и пошли – подайте, не миняйте...

Между тем, пройдя все указанные горластым мальчишкой повороты, мы почти уперлись в кованые ворота, на которых красовался герб рода де Бурбон-Конде. У калитки с ружьями на плечо стояли рослые солдаты в мундирах русской армии, но с французскими лилиями на гренадерских шапках.

– *Bonjour*, месье, – приветствовал я. – Мы по приглаше-

нию его высочества.

Переговоры с караульным начальником не заняли и пяти минут. Сверившись со списком, он поклонился и отправил посыльного оповестить принца о нашем прибытии. Вскоре я, как обычно, оставив Лиса разведывать обстановку, входил в приемную несломленного меча Франции – принца Луи-Жозефа Конде.

Высокий, подтянутый, в российском генеральском мундире с орденами Святого Духа и Святого Людовика на груди, он казался воплощением аристократизма, осколком былой эпохи. Рука картинно опиралась на вызолоченный эфес шпаги. Суровое лицо казалось преждевременно состарившимся, но холодные глаза смотрели твердо и требовательно. Я протянул принцу опечатанный пакет, совсем недавно полученный от Колонтарева.

– Вальтаре Камдель, барон де Вержен, – прочитал вслух хозяин дома, – в прошлом – капитан пикардийских шевальжеров⁵. – Его высочество пробежал взглядом еще несколько строк и поднял на меня глаза. – Герцог Ришелье рекомендует вас как храброго воина и отменного бойца, обладающего к тому же редкой сообразительностью.

Я молча склонил голову и прижал руку к груди, активизируя закрытую связь.

– Лестная оценка. – Принц закончил изучать документ и

⁵ Ш е в а л ь ж е р ы – род легкой кавалерии, использовался для разведки, действий в тылу и на флангах противника.

положил его на вызолоченный столик красного дерева. — Я так понимаю, все последние годы вы жили в Одессе под крылом герцога, а сейчас решили присоединиться к нам. Почему?

— Почему не участвовал ранее или почему решился теперь?

— И то и другое.

— Приходил в себя после ранений, а кроме того, наши силы, увы, слишком малы, чтобы вести правильную войну с узурпаторами. А идти на смерть просто, чтобы показать, что не боишься ее, как делали оставшиеся в Париже аристократы, заранее выбривая затылок, дабы не утруждать палача у гильотины, — как по мне, глупое позерство.

— Вы не одобряете их, месье?

— Нет.

Принц молча подошел к приоткрытому окну, из-за которого слышались звуки команд и бряцанье возвращаемых к ноге ружей.

— Думаю, ваше мнение здесь мало кто разделяет, — не глядя на собеседника, бросил Конде. — Не стоит им делиться с офицерами, если не желаете получить вызов на поединок.

Я пожал плечами:

— Я ли убью, меня ли убьют, это ни на йоту не приблизит нас к цели и не сделает осмысленней смерть несчастных, оставшихся во Франции.

Луи-Жозеф повернулся, всматриваясь в мое лицо.

– О храбрости и воинском искусстве вашем в сопроводительной грамоте написано в самых лестных выражениях. Хочется также верить, что у вас и впрямь такой холодный ум, как представляется. И все же вы откликнулись на призыв. Отчего?

– Тому есть две причины. Во-первых, я считаю все происходящее во Франции опасным безумием, трагедией моей родины и полагаю долгом любого дворянина способствовать его искоренению. Во-вторых, герцог Ришелье обмолвился, что вы пожелали наладить доверительные отношения с неким генералом Бонапартом.

– Герцогу не стоило распространяться об этом, – скривился Конде. – Однако раз уж вы здесь, скажу прямо – да. Но и что с того?

– Моя любимая матушка – урожденная графиня де Марбеф. Шарлин де Марбеф.

– Весьма приятно об этом узнать, но вы не ответили на вопрос.

Я выжидательно поглядел на собеседника, выдерживая паузу.

– Что из этого следует? – повторил тот.

– Она младшая сестра покойного губернатора Корсики – маркиза де Марбефа, настоящего отца Наполеона, а также некоторых его братьев и сестер.

– То есть, по сути, вы – двоюродный брат генерала Бонапарта?

– Так и есть.

– У вас есть подтверждения этому факту?

– Да, у меня сохранилось письмо дяди к моей дорогой ма-тушке. В нем он просит принять в замке госпожу Летицию Бонапарт и помочь ей разрешиться от бремени.

– Но ведь Наполеон был рожден в Аяччо, на Корсике.

– На этот счет имеется другое письмо дяди Луи, где он в подробностях описывает, как местный кюре не хотел крестить привезенного в Аяччо младенца, названного матерью Наполеоном, и как ему пришлось лично вмешаться, чтобы сломить упорство преподобного отца.

– Вы полагаете, Наполеон знает об этом?

– Несомненно. Госпожа Летиция не слишком скрывала отношения с моим дядей, а Шарль Бонапарт, который сам был не дурак по женской части, охотно закрывал глаза на шалости жены в обмен на расположение и финансовую поддержку могущественного вельможи. Впрочем, поглядите на любой портрет этого корсиканца. Мало найдется южан с серыми глазами. Во всяком случае, и покойный месье Шарль Бонапарт, и госпожа Летиция черноглазы. В отличие от моего дорогого родственника, который, полагаю, вы помните, был невысокого роста, коренаст и имел такие же серые глаза, как у генерала Бонапарта и, к слову сказать, у его собственного законного сына.

На лице принца Конде появилась гримаса задумчивости, смешанная с плохо скрытым торжеством.

– Стало быть, он бастард... Ну, по сути, это ерунда. Помнится, Орлеанский бастард, граф Дюнуа, немало потрудился, чтобы возвести на трон Карла VII в годы Столетней войны. Отчего же теперь бастарду де Марбефа не возвести на трон короля? – Он подошел ко мне и протянул руку. – Как доносят наши люди из Франции, несмотря на свои бретонские корни, Наполеон унаследовал корсиканское отношение к родне. Он боготворит матушку и любит братьев и сестер, прощает им любые выходки, подчас не самого благородного свойства. Так что, друг мой, есть шанс, что удастся заставить генерала выслушать вас и склонить к союзу... – На суровом лице военачальника появилось то выражение скрытого ликования, какое бывает у полководца на поле боя, когда видишь, что враг через минуту угодит в расставленную для него западню. – Если понадобится, можете обещать ему золото, титул герцога, меч коннетабля⁶, да буквально все, кроме, пожалуй, короны. – Принц улыбнулся собственной шутке, и я с трудом скрыл тяжелый вздох. – Что ж, дерзайте! Вы получите документы, мундир и деньги, которые позволят добраться до Парижа. Я также передам вам пароли и адреса верных людей, оставшихся в столице. А дальше – не только все мы, не только наследник престола, но вся Франция ждет от вас подвига!

Я поклонился, изображая готовность совершить невоз-

⁶ К о н н е т а б л ь – в средневековой Франции главнокомандующий королевской армией.

можное и положить королевский венец к ногам законного монарха.

«Ждет подвига? – пронеслось у меня в голове. – Она, кажется, дождется...»

* * *

Лис ожидал меня на крыльце, безмятежно травя анекдоты с адъютантами штаба Конде. Судя по всему, они уже считали этого долговязого остряка с насмешливыми зелеными глазами и переносицей, имевшей, в силу жизненных передряг, форму латинской буквы s, старым приятелем, едва ли не соседом из прежней, французской жизни.

– Как успехи? – поинтересовался он, спускаясь вслед за мной с крыльца.

– Штатно. Сейчас нужно получить снаряжение и документы...

– Ага-ага, и обмазаться маслом, чтоб при запекании приобрести аппетитную золотистую корочку.

– Ты о чем?

– О кулинарии, мой друг. Ты, конечно, большой знаток политической кухни, но у меня вдруг появилось навязчивое ощущение, что тебя здесь относят к разряду дичи.

– В каком смысле?

– Ну вот тебе тест на сообразительность – в момент встречи тебя ничто не удивило в облике высокочтимого гражда-

нина принца?

Я мысленно возвратился в приемную его высочества.

– Н-ничто.

– «Садись, два!» – как сказал один судья, оглашая приговор. Ладно, задаю наводящий вопрос: сейчас нет ни парада, ни развода, ни полевых учений. Какого рожна Конде рассекает по собственному дому в парадном мундире, только шо без лошади? Или ты думаешь, что он так вырядился для исторической встречи с тобой? Тем более, мундиры, как мы помним, тесные, годные только для оловянных солдатиков.

– Ожидается кто-то из высоких гостей? – предположил я.

– Насчет высоты сказать не могу, но один гость уже имеется – художник, который пишет растопыристый портрет его высочества.

– Откуда ты знаешь?

– Сначала меня удивил мундир в столь неурочный час, а потом на крыльце я наблюдал пришествие некоего симпатичного юнца, доставившего господину живописцу пиво и сосиски. Стража пропустила его, едва глянув в сумку, – адъютанты, похоже, отлично знают парня в лицо. По их словам, он каждый день сюда ходит.

– Ну, хорошо: парень, сосиски, пиво, живописец, мундир. Что с того?

– Вальдар, обернись и окинь прощальным взглядом любимое окно. – В тоне Лиса слышалась глумливая нотка. – Вон те три на втором этаже, правее крыльца, – это приемная, где

вы общались с Конде, а соседние два – комнаты, в которых трудится художник. Как ты сам можешь видеть, если разувешь глаза, там замечательный угол обзора, позволяющий наблюдать за всеми, кто входит в ворота. Ты скажешь, из окон второго этажа всегда видно улицу, и я даже соглашусь. Но, памятуя напутствия очень тайного советника, за каждой занавеской начинаешь искать шпиона. Сам понимаешь, не может быть, чтобы тот самый игрок, который кашеварит на вашей политической кухне, не уделил внимание такому жгучему перцу, как тутошний принц с его корпусом.

Я вновь припомнил картину встречи с принцем. Действительно, во время нашего разговора дверь оставалась чуть приоткрытой, а стало быть, кто бы ни находился за стеной, он мог слышать наш разговор.

– И любопытство мое выиграло, шо та водка вперемешку с пивом на третьем литре, – вдохновенно, голосом певца в стане русских воинов, продолжал Сергей. – Потому, когда юнец выходил, я абсолютно случайно столкнулся с ним плечом, а заодно приоткрыл сумку, в которой тот приносил еду... А шой-то ты на меня так смотришь, будто я вытащил пять сольдо из кармана Буратино?! Я для пользы дела провел оперативное мероприятие!

– Просто жду, когда ты договоришь.

– Тогда мы здесь и состаримся! – Мой речистый напарник расплылся в улыбке. – Но, если по делу, на дне сумки оказались листы бумаги, как мне показалось, с портретами и над-

писями. Ты можешь сказать, что художник отдал неудачные эскизы на растопку или маэстро послал хлопчика передать картинки клиенту, но не факт.

– Что ж ты не глянул поближе?

– Вальдар, ну ты же лорд, а не шпана с Холодной Горы. Шо я, буду посреди всего этого помпезного цирка с конями отнимать у пацана сумку? Меня бы тут подняли либо на штыки, либо на смех. Я вышел за ним, но он, продувная бес-тия, растаял при свете дня! Что само по себе крайне подо-зрительно.

– «Впоследствии» не значит «вследствие»! – Я ухватил-ся за спасительную юридическую формулу. – То, что мог ви-деть и слышать художник, само по себе ценной информации не содержит. Во всяком случае, в Митаве всему услышанно-му, как это у вас говорится, грош цена в базарный день. А рисунки... Кто теперь скажет, чьи образы на них были запе-чатлены? Кто знает, может, мальчишка – ученик живописца и приносил ему свои неумелые каракули?

– Ну да, ну да, – насмешливо кивнул Лис. – Юстиниа-нов кодекс и все такое. Как же, как же, читывали, в смыс-ле – писывали, знаем. Но у меня чутье. Если хочешь, инту-иция или, там, считывание ауры... не канифоль мне изви-лины, сам выбери. Этот парень как-то вздернулся, когда мы плечами столкнулись, а потом засуетился и резво так со дво-ра слинял. Вот скажи, зачем ему жужжать, если он не пчела?

Предчувствия друга могли показаться абсурдными, но я

давно знал: в той структуре, из которой Сергей Лисиченко пришел в Институт, умело вырабатывали у сотрудников, как говорят охотники, верхнее чутье. Там хорошо знали, что недостаток интуиции может стоить жизни...

– Я так понимаю, ты уже начал действовать?

– Да так, по мелочи. Расспросил тут народ. Зовут того живописца Якоб ван Хеллен, какое-то время этот Леонардо Недовинченный крутился при вюртембергском дворе, пока тамошний герцог по-родственному не прислал его запечатлеть светлый образ дорогого, но такого далекого сородича.

– Погоди, то есть, он – голландец, живший в Вюртемберге?

– Верно подмечено.

– Но Голландия сейчас захвачена французами.

– Капитан, вот честно скажу, всегда восхищался глубиной твоих познаний.

– То есть, он может быть эмигрантом, как Конде и вся здешняя братия, а может и шпионом, маскирующимся под эмигранта.

Я на мгновение задумался. Ситуация вырисовывалась чертовски скверная. Если нелепые домыслы Сергея хоть отчасти верны, у кого-то неведомого имелась обширная картотека на штаб принца Конде и все его окружение.

– Ты выяснил, откуда приходит мальчик?

– Конечно. Из «Коронованного медведя». Мы проезжали этот трактир.

– Тогда давай проверим твои подозрения. А заодно и пообедаем. Думаю все же, что ты сгущаешь краски.

Мы вскочили в седла. Я старался не подавать виду, но подозрения напарника понемногу начали передаваться и мне. Хотелось верить, что его детективные построения лишь игра богатого воображения. Или нет?!

Оставалось надеяться, что парень не заподозрил подвоха. Скорее всего, разносчик лишь связной, возможно ни о чем не подозревающий. Если его используют втемную, будет не сложно перекупить или перевербовать парнишку. Лишь бы он еще не передал сегодняшние рисунки. Лишь бы не передал!

* * *

Хозяин трактира, рыжий детина, на звук плеснул в протянутую ему глиняную кружку пива с пенной горкой и неспешно, безо всяких эмоций сказал:

– Я с вами, господа, не знаком, раньше здесь никогда не видел, с чего мне вдруг отвечать на ваши вопросы? Почему мне знать, что у вас на уме?

– Послушайте, уважаемый, – я старался говорить как можно более почтительно, – разве в моих расспросах есть что-то преступное? Я лишь хотел узнать, вы ли поставляете сосиски и пиво знаменитому художнику ван Хеллену?

Парень лениво повел плечом и демонстративно отвернул-

ся:

– Хотите что-то заказать – к вашим услугам, а нет – недосуг мне с вами болтать.

– Я закажу, но...

– Вашу маменьку зовут не Марта ли? – вдруг ни с того ни с сего поинтересовался Лис.

Хозяин повернулся и смерил испытующим взором моего напарника:

– Три года назад матушка скончалась, но звали ее и впрямь Мартой. Только вас тут прежде я не видел.

– Один мой родственник говорил, что фрау Марта была замечательной женщиной.

– Да?

– ...Ядрен батон! Знал ли я ее?! Я бы сказал, углубленно знал! Ежели б мы находились в мире, где стартовали с Пугачевым в Американию, я бы вообще предположил, что это мой сын. Она тогда мне все уши прожужжала, что хочет трактир открыть, ну я ей русскую личность всю и оставил – на хрена она мне за океаном? Ее там как сейчас не берут, так и тогда не брали... Стоп! Это что же получается: в этом мире я ей денег не давал, а кабак стоит! Выходит, она мне изменяла?

– Лис, тебя же не было в этом мире. Как она тебе могла изменять?

– Да откуда я знаю как? Хотя бы и с собственным мужем!

– Лис, еще раз: тебя здесь не было.

– Да? – Сергей задумался. – Ну ладно, но обиду я все равно затаил...

Меж тем трактирщик, услышав лестные слова о матери, стал немного приветливее:

– Да только что я могу сказать вам, господа? Ну, приходит сюда малец от господина художника, всегда в одно время, но что с того? У меня сосиски лучшие в городе, и шпикачки, и окорок... Да вы хоть сами попробуйте, вы же хотели заказать.

– Погоди-погоди, чуть позже, – выдавил я, с тоской глядя на кулинарное великолепие, дурманящее запахами жареного мяса и призывно шкворчащее из-за приоткрытой двери кухни.

– Ты понимаешь, что это значит?

– А шо тут понимать? – звучало в моей голове. – До завтра связной здесь не появится. Он сюда от принца не возвращается. У герцога думают, будто мальчонка отсюда, здесь – в уверенности, его пацан служит у художника. Как в том анекдоте: жене сказал, что иду к любовнице, любовнице – что к жене, а сам на чердак и работать, работать, работать!

– А как он выглядит? – задал я довольно бестолковый вопрос хозяину заведения.

– А вам зачем? – вновь насторожился рыжий, но по инерции продолжил: – Да как выглядит... мальчишка себе и

мальчишка. Лет шестнадцать или около того. Смазливый.

Я поглядел на Сергея. Похоже, больше информации из этого источника почерпнуть не светит. Не сговариваясь, мы повернули к двери.

– А как же заказ?! – неслось нам в спину.

– Я вернусь, обязательно вернусь! Десять лет спустя или двадцать. И мы непременно, слышите, непременно поговорим о вашей матушке! – через плечо бросил Лис.

– Надеюсь, это просто цепь нелепых совпадений, – без особой уверенности начал я, стараясь помочь чувству долга пересилить голод, – но проверить все же придется. Поскольку искать мальчишку-разносчика в Митаве – почти как сухой камень на морском дне, сегодня предлагаю свести знакомство с самим маэстро ван Хелленом.

Глава 2

Идущие в едином строю не всегда стремятся к одной цели.

Гай Юлий Цезарь

Охрана у ворот без лишних расспросов пропустила нас с Лисом во двор резиденции Конде.

– Ты ж только не торопись, – убеждал меня Сергей, – поговори с этим художником от слова «худо» о погоде, о картине Брюллова «Последний день Помпеи»...

– Ее еще не нарисовали.

– К черту подробности! Помпея-то уже в хлам! А от этого прискорбного, но жутко нравоучительного факта плавно перейди к оперативно-практическим увещеваниям.

– Какие уж тут увещевания? Кроме подозрений, у нас в активе ничего нет. Пусто. Так, пара нестыковок. Мальчишка не работает в трактире? Что с того? Он мог и не говорить, что там работает. Просто слуга маэстро приносит из кабака приглянувшиеся тому сосиски и пиво. Французы, как мы помним, не любители этого напитка, впрочем, как и сосисок. Рисунки нес? Так одному богу известно, что на них было. Вроде портреты... да мало ли что посыльный художника может носить взад-вперед? Окна расположены слишком удачно? Так не сам же принц дом строил...

– Брось на другую чашу весов пролетарское чутье хладноглавого чекиста. Я своим горячим сердцем чую, что он – контра недобитая, и мои чистые длинные руки тянутся заключить его в чрезвычайно тесные объятия.

– Нет, контра недобитая – это как раз Конде... Ладно, общаюсь с мастером кисти, поделюсь сомнениями с его высочеством, а там посмотрим.

Я поднялся на второй этаж, заготавливая в уме эффектную фразу о любви к живописи. Или об оставленных в родовом замке портретах, или о желании брать уроки у столь замечательного мастера. На площадке второго этажа подле лестницы замер ливрейный слуга в парике с косицей, торчащей крысиным хвостом.

– Я бы хотел видеть маэстро Якоба ван Хеллена.

– Его нет в апартаментах, – заученно склонив голову, ответил лакей. – Господин живописец изволил отправиться к месту своего квартирования. Ему стало дурно, и он попросил его высочество перенести сеанс на завтра.

Я сочувственным жестом приложил руку к груди, включая закрытую связь.

– Лис, ты слышал?

– Слышал, конечно. Думаешь, мальчишка отравил художника?

– Может, он пытался отравить Конде, но что-то пошло не по плану?

– А где живет господин ван Хеллен?

– Мне то неведомо, – с непроницаемо холодным лицом отвечивал мой собеседник.

– Его высочество у себя?

– Принц сейчас не сможет вас принять, у него военный совет.

В голове моей крутились безрадостные воспоминания о старом приятеле Чезаре Борджиа, о манере выпить с обреченным на смерть отравленного вина, а затем отправиться домой, чтобы принять противоядие. И потом, в тени олив, с интересом дожидаться, когда яд подействует на врага.

– Немедленно ступай к принцу! – скомандовал я.

– Но мне не велено...

– К черту повеления! Возможно, жизни твоего господина угрожает опасность! Неизвестно, сколько времени у нас есть, надо действовать быстро.

– Я слушаю вас, месье.

– Мне нужен адрес художника, пара солдат с капралом и лекарь. Бегом, бегом, одна нога там, другая уже снова здесь!

Спустя несколько минут я уже рассказывал принцу Конде о наших с Лисом подозрениях, которые вполне бы могли быть признаны паранойей, если бы этот недуг был уже классифицирован.

– Полагаю, вы заблуждаетесь, друг мой, – выслушав призывы к активным действиям, покачал головой Конде. – Моя жизнь не столь уж важна для общего дела, и потому смерть мало что изменит. Я не Людовик, граф Прованский, и не

Карл, граф Артуа⁷. Не будет меня – найдется другой, моложе и, быть может, энергичнее. – Вопреки смирению его слов, мне показалось, что забота о его жизни втайне льстит принцу.

– Ваше высочество, позвольте медику пойти со мной, если вы не верите моим подозрениям. Когда господин ван Хеллен и впрямь заболел, ваше внимание будет ему приятно, а если нет, я и сам задержу его.

– Хорошо, друг мой, но прошу вас, не устраивайте ничего, что могло бы бросить тень на доброе имя французского дворянина. – Принц жестом подозвал лакея. – Распорядитесь вызвать моего личного медика.

Очень скоро мы уже направлялись по указанному адресу.

– ...Уже то, что ван Хеллен не остался квартировать во дворце Конде, само по себе подозрительно. Зачем ему снимать отдельную квартиру да еще и так далеко от места работы?

– Во-первых, в резиденции и без того полно народу, во-вторых, нам ничего не известно о характере нашего живописца. Может, он мизантроп и любит уединение, в-третьих...

– Господа, вот его дом. – Доктор указал на двухэтажное строение, довольно обшарпанное, с шорной мастерской и лавкой, занимающими весь первый этаж.

⁷ Братья казненного французского короля Людовика XVI. В нашей истории – короли Людовик XVIII и Карл X.

– Сдается мне, господин художник не склонен тратить на комфорт, – пробормотал я. – А ведь парадные портреты хорошо оплачиваются...

Начинало смеркаться, и хозяин лавки, увидев остановившихся перед его вывеской господ, немедленно выскочил, предлагая купить седла, подпруги, торбы для овса – все очень недорого и лучшего качества. Но, услышав, что всадников интересует не его замечательный товар, а жилец, насутился и, ответив на вопрос, дома ли господин ван Хеллен: «Проходил», – удалился, только дверь брякнула колокольчиком.

Мы обошли неказистое жилище со стороны примыкающего к нему небольшого сада. На второй этаж вела лестница под деревянным навесом, крытым черепицей.

– Господа, – вдруг переполошился лекарь, – смотрите! Здесь на ступеньках кровь!

– И дверь приоткрыта, – мрачно констатировал Лис.

Я скривился, мысленно коря себя за медлительность.

– Позови хозяина, пусть бежит к будочнику⁸.

– Ща все будет, – отозвался Лис. – Ты ж только сам пока не суйся. Если наверху труп, хрен потом отмажешься.

Мы прислушались. Из-за двери не было слышно ни звука. Ступени болезненно кряхтели под сапогами, точно сторб-

⁸ Б у д о ч н и к – с первой половины XVIII в. низшее должностное лицо городской полиции в Российской империи, полицейский сторож, стоящий на посту у караульной будки.

ленные немилосердным роком. Кровавые следы виднелись на каждой из досок, а в одном месте я даже заметил нить, зацепившуюся за шляпку гвоздя. Судя по всему, мешковина. В голове сразу возник образ упакованного в старый куль пронзенного тела. «Он или его? – думалось мне. – Кто же был этот самый Якоб ван Хеллен?» Память молчала, отказываясь дать подсказку. Я включил закрытую связь.

– Джокер 1 вызывает базу. Европа-центр, ответьте Джокеру 1.

– Слушаю тебя, Джокер 1, — раздался на канале связи приятный женский голос.

– Срочно нужна объективка на художника Якоба ван Хеллена.

– Минуту. – Голос умолк, но очень скоро в голове слышалось: – Якоб ван Хеллен, тысяча семьсот шестьдесят четвертого года рождения, родом из Гельдерна, сын иллюстратора-гравировщика Самуэля ван Хеллена. Обучался в Амстердаме, затем в Риме, вернулся, пять лет работал при дворе штатдтгальтера⁹, затем перебрался в Вюртемберг, был придворным художником. Знаменитые картины: «Орфей и Эвридика», «Ясон и Медея усыпляют дракона», ряд портретов...

– погоди, ты сказала «был»?

– Да, он умер неделю назад. Перитонит. Жаль, совсем молодой и очень талантливый...

⁹ Ш т а д т г а л ь т е р – правитель объединенных провинций Нидерландов.

– Умер в Вюртемберге?

– Строго говоря, нет, он как раз отправился в Швейцарию. В Берне ему прописали лечение водами, полагая, что у него желудочные колики. Но зачем тебе ван Хеллен, Джокер?

– Еще сегодня днем он рисовал портрет его высочества принца Конде в Митаве.

– Но этого не может быть! Возможно, это какой-то другой ван Хеллен?

– Не исключено.

За спиной послышалось бряцанье оружия и тяжелое дыхание бегущих людей.

– Стойте, где стоите! Вы кто?! – услышал я и, обернувшись, увидел около лестницы полицейского с алебардой и давешнего шорника.

– Офицер корпуса принца Конде, – уклончиво ответил я. – Мы обнаружили следы крови и открытую дверь. Что внутри – не могу знать. Я не входил.

Будочник глянул на хозяина лавки, и тот кивнул, подтверждая истинность моих слов.

– Спускайтесь, месье, я сам погляжу. – В голосе стража не было уверенности; он вовсе не горел желанием отдавать приказы чужестранцу, да еще и офицеру, и потому словно не заметил, что я проигнорировал его слова, и, пропустив вперед, пристроился за спиной.

Жилище ван Хеллена представляло собой две скудно об-

ставленные комнаты. На полу валялась одежда, вывернутые ящики комода, то там, то здесь виднелись пятна крови. Сквозь приоткрытую дверь во вторую комнату просматривалась развороченная постель, но никаких иных следов, кроме этого картинного погрома, я не заметил.

– Так, – веско подытожил будочник, прохаживаясь среди валявшихся на полу личных вещей исчезнувшего живописца. – Как есть, разбойники орудовали.

– Вряд ли, – с сомнением заметил я. – Вон, на полу камзол из лилового бархата, шитый золотом. Какой бы разбойник мимо прошел? И еще, – я внимательно поглядел на пол, – кровь есть, а следов борьбы не видно. Похоже, разбойники летали по воздуху. Никто даже каблуком не зацепил кровавых луж.

Полицейский чин бросил на иностранца негодующий взгляд. Страж порядка страсть как не любил загадок с криминальным уклоном.

– Ступайте, господин офицер. Тут, позвольте сказать, не вашего ума дело.

Я возмущенно дернул плечом, но в голове у меня звучало:

– *Это ты ловко подметил. Вряд ли нашего бегучего голландца ангелы вознесли.*

– *Лис, ты почти угадал. Ван Хеллен умер неделю назад.*

– *А, так это кладбищенская охрана возвращает его к месту прописки?*

– *И похоронен он в Берне.*

– Ну да, неделю гнались... Постой, как в Берне?

– Обычно. При помощи кирки и лопат.

– Для мертвеца чрезвычайно активный образ жизни! Вот что с людьми привязанность к пиву и сосискам делает.

– Лис, ты вообще где?

– Где, где? В Уганде! Я понял, что мне пора отправиться на свалку.

– И?

– Отправился туда и, как говорится, немало при том преуспел.

– Это какая-то твоя новая афера?

– Попрошу без голословных инсинуаций и клеветнических поползновений! Сначала оденьте слова в броню фактов, а уж потом бросайте их на ветер.

Я вздохнул. Моего напарника почему-то развлекала кровавая, извините за каламбур, головоломка. Между тем будочник отставил громоздкую алебарду и начал бродить из помещения в помещение, то заглядывая в ящики комода, то примериваясь, не спрятался ли маэстро ван Хеллен под кроватью.

– А шум какой-то был? – Он поглядел на шорника.

Тот лишь в недоумении развел руками:

– Да разве за моим стуком-грюком услышишь?

– И то верно. Ну, стало быть, вот, – глубокомысленно изрек слуга закона.

Я вновь принялся осматривать кровавые лужи, пытаюсь

сообразить, что здесь произошло. Шпаги, обычной для людей благородного звания, видно не было. Возможно, здесь развернулась настоящая схватка и это кровь не одного, а нескольких человек?

Стоп, что-то не вяжется... Как-то все слишком художественно... По-хорошему, кровь следовало бы послать на экспертизу, но время криминалистики еще не наступило. Я восстановил в памяти кровавые пятна на ступенях, зацепившуюся за гвоздь нитку... Если можно предположить, что в комнатах раненый или раненые передвигались сами, то, начиная с крыльца, тело уже тащили. Но кровь не смазана – ровные капли. Значит, никакого трупа в мешке не было. Кто-то – вероятно, сам художник – пытается водить нас за нос. Но зачем? Никаких доказательств его вины нет. Даже если бы замеченные Сергеем рисунки были в наших руках, вряд ли удалось бы что-то доказать.

– *Капитан*, – послышалось на канале связи, – *я тут бутылку нашел. Хорошую, ценную.*

– *В каком смысле?*

– *Ну, не в смысле вторсырья и стеклотары, ясен пень! Из нее кровь наливали.*

– Господа, – подал голос стоящий у двери эскулап, – если мое присутствие здесь не вызвано настоятельной необходимостью, позвольте я вернусь к исполнению своих обязанностей подле его высочества?

Будочник на минуту задумался, соображая, может ли док-

тор быть свидетелем, и после напряжения внутричерепного мыслительного вещества пришел к выводу, что нет.

– Ступайте, ваша милость.

– *Если мертвец вернется, мы непременно отправим его к вам на лечение.*

Не слишком щедрое апрельское солнце уже клонилось к закату когда мы с Лисом покинули место псевдоубийства с полной убежденностью, что кто-то пытается дурачить нас, Конде и еще бог весть кого. Кто бы ни был этот ван Хеллен, вернее, его здешний дубликат, это был странный образчик людской породы. Профессиональный шпион не стал бы так напрягаться из-за наших с Лисом подозрений. Тем более, что живописец, вероятно, слышал о моих планах отплыть в ближайшее время из Риги...

Беседуя таким образом, мы двигались в гостиницу «Лосина голова», рекомендованную нам будочником как лучшую в городе. Кони шли трусцой, поскольку дорога освещалась лишь редкими выставленными на окнах домов фонарями да желтоватым полумесяцем, будто сошедшим с османского флага.

Улицы почти опустели, кое-где в сумерках слышались колотушки сторожей и лай цепных псов. Мы свернули за очередной угол и почти нос к носу столкнулись с девицей, которая, подобрав юбки, улепетывала от дюжего верзилы.

– Помогите! – закричала незнакомка по-французски. – Спасите меня!

Я тронул коня, Лис потянулся за пистолетом... Увидев перед собой двух всадников, да еще при оружии, детина без лишних слов свернул в какой-то проулок и, не издав ни звука, исчез в темноте.

— О, месье, благодарю вас, месье! — скороговоркой затараторила девушка. — Вы, должно быть, французы? Так странно. Слава Господу, что он послал мне навстречу истинных рыцарей! Какое счастье! Спасибо, месье!

Я похлопал по шее заволновавшегося скакуна, не ожидавшего подобного напора от столь юной и хрупкой барышни. Насколько можно было рассмотреть, спасенная нами девица была грациозна и миловидна.

— Прошу извинить меня, сударыня, — начал я, — но как вы оказались здесь одна в столь поздний час?

— О, месье, — продолжала щебетать девушка как ни в чем не бывало, хватаясь за рукав моего камзола, — это все моя беззаботность. Я такая рассеянная. Мы с братом сегодня приехали в город, и, когда он отправился по своим делам, я пошла немного посмотреть город и, увы, — девица всхлипнула, — заблудилась.

— А спросить дорогу слабо? — хмыкнул Лис.

— Я пробовала, но здесь никто не говорит ни по-французски, ни по-английски. Вернее, мне указали на особняк принца Конде, однако... — Девушка подозрительно осмотрела наши с Сергеем штатские одежды. — Вы же не из свиты его высочества?

Мы с Лисом переглянулись. Незнакомка не просто была француженкой, но и явно не искала близкого знакомства с приверженцами династии Бурбонов.

– Нет, – успокоил я собеседницу.

– Ну слава богу! – Она сложила руки перед грудью – жест и слова, не характерные для сторонницы Республики. Должно быть заметив недоумение на моем лице, девушка пустилась в объяснения: – Прошу извинить, что не представилась. Меня зовут Софи Рид, мой брат, Роберт Рид, – хозяин верфи в Квебеке. Наш отец был англичанин, мать – француженка. Сейчас, когда у Франции нелегкая пора, ей нужны корабли, много кораблей. Один из родичей нашей доброй маменьки занимает немалый пост в морском интендантстве. Он готов добиться большого заказа на строительство якобы для флота Канады. Ой! – Она закрыла рот ладошкой и сделала большие глаза. – Ну вот, я проболталась. Господа, прошу, не выдавайте меня брату!

– То есть, ваш брат строит корабли для республиканской Франции? – предположил я. Софи кивнула. – И стало быть, вы опасаетесь, что вас заподозрят в связи с эмигрантами и отберут заказ?

– О да, месье! А нашей верфи так нужен этот заказ!

– И все равно мне непонятно, – вмешался Лис, – где Квебек, а где Митава? Капитан, я помню, что Квебек и Казбек – это разные места, но все же, что за клуб имени Миклухо-Маклауда?

– Здесь много дерева. – Девушка назидательно подняла указательный палец. – Брат говорит – хорошего дерева.

– Ага, но нет выхода к морю.

Софи оглянулась почти затравленно:

– Месье, я не занимаюсь делами брата. Если желаете, я могу познакомить вас с ним. Мы остановились в гостинице «Лосиная голова». Если вы проводите меня туда, можете не сомневаться, брат будет очень признателен вам. Только поклянитесь, что вы не состоите в корпусе Конде.

– Век воли не видать! – хлопнул себя в грудь Лис. – Не состою, не сослежу, не сосижу и даже не сосхожу, если хотите.

– Я – частное лицо. – Слова мои звучали обтекаемо, но зато были чистейшей правдой. – Буду рад проводить столь юную и столь неосторожную барышню и свести знакомство с вашим почтеннейшим братом.

* * *

Гостиница «Лосиная голова» с момента основания предназначалась для господ и потому не разменивалась на всякую мелкотравчатую публику вроде бедных чиновников и младших офицеров с непомерным гонором и постоянной вентиляцией в карманах. Номера здесь стоили дорого, зато кухня была отменной, белье – свежим и снежно-белым, и, что показательно, за время пребывания я не видел не то что клопа, но даже и следа его. И уж совсем подкупал тот факт,

что при виде лакея, вошедшего в номер, рука не тянулась к шпаге и пистолету. Если это и был грабеж, то деликатный и не лишенный комфорта.

Пламя свечей, щедро расставленных в бронзовых канделябрах, позволяло куда лучше разглядеть без умолку болтавшую Софи и ее старшего брата. Девушка была привлекательна. Как говаривали во Франции, «не так красива, как чертовски мила!». Серо-голубые восхищенные глаза, ласково глядящие на собеседников, слегка вздернутый нос, губы, чуть что готовые сложиться в улыбку. Она действительно чем-то походила на своего брата. Однако, как я ни силился, так и не смог понять, чем именно.

Роберт попытался с порога встретить сестру упреками, но был вынужден отступить под напором ее многословного рассказа о путешествии по Митаве, неизвестном злодее и доблестных, великодушных джентльменах, которых «само небо» послало ей на помощь. Все это время мы стояли в дверях, готовые откланяться и уйти или же, будь на то воля мистера Рида, остаться на ужин.

Сказать честно, последний вариант меня устраивал куда больше. Во-первых, вся эта детективная история с пропавшим художником не оставила нам времени пообедать, и, во-вторых, на горизонте замаячила маленькая зацепка для натурализации во Франции. Крупный чиновник морского интендантства – хорошее прикрытие для въезда в страну.

Поздоровавшись с нами, Роберт Рид, как он отрекомен-

довался, тут же опасливо спросил:

– Что она вам уже понарасказала?

– Я ничего такого не говорила! – возмутилась Софи. – Только что ты кораблестроитель и разыскиваешь здесь какие-то сорта древесины.

– Да, это правда, – подтвердил хозяин судоверфи. – Здесь много лесов, там дальше, – он махнул рукой в сторону приоткрытого окна, – прекрасные мачтовые сосны и дубы для корпусов... И все за копейки!

– Но это же, как тут говорят, – вмешался Лис, – за морем телушка полушка, да рубль перевоз.

Брат спасенной нами девицы чуть заметно напрягся, но, сообразив, что разговаривает с далекими от бизнеса людьми, бросил небрежно:

– Я оцениваю возможность открытия в этих краях филиала.

Действительно, ни я, ни мой верный друг и напарник не занимались предпринимательством, и уж менее всего кораблестроением. Но следовало быть монастырским послушником, взращенным среди звуков органа и церковных гимнов, чтобы не понимать – строительство или покупка верфи за столько тысяч миль от берегов Гудзонова залива имеет подоплеку, связанную не столько с бизнесом, сколько с политикой. В нашем случае, вернее всего, – с тайной политикой. Болтовня Софи, дополненная словами ее брата, выстраивалась в довольно интересную картину. Конечно, я мог оши-

биться, не зная множества деталей, но то, что я предполагал, нуждалось либо в срочном подтверждении, либо в не менее срочном опровержении.

Уже много веков Франция числила основным врагом Англию, и наоборот. Время от времени эти державы высаживали десанты на территорию противника и начинались войны: порой долгие, иногда не слишком, но всегда – судьбоносные. Сейчас назревал один из таких конфликтов. Ситуация представлялась близкой к детскому вопросу: «Если сойдутся слон с китом, кто кого заборет?» Английский флот по всем показателям был сильнее французского, но армия оставляла желать лучшего. Французы же господствовали на суше, однако и мечтать не могли о переброске войск морем. Каждый шаг их флота отслеживался и пресекался на корню.

Каждый, да не каждый... Я очень живо представлял себе объемистые грузовые суда, во множестве сходящие со стапелей канадской верфи где-нибудь на балтийском побережье. Канада хоть и довольно самостоятельная, но все же британская колония, так что над построенными кораблями будет развеваться «Юнион Джек». Кому придет в голову, что все эти транспорты изготовлены по французскому заказу?

А там, глядишь, в один прекрасный день где-нибудь в Германии или Голландии эти корабли примут на борт несколько тысяч солдат. Недостаточно, чтобы покорить Англию, но вполне хватит парализовать ближайшие порты на британском побережье, разрушить маяки, взорвать пороховые

склады... Тогда-то, лишившись «няньки», французские адмиралы смогут нанести решающий удар.

Интересно, знает ли об этом замысле император Павел? А если знает, что сочтет за благо – помочь врагам Англии или разрушить планы ненавистных якобинцев?

– Ну а вы, господа, – заканчивая рассказ, произнес Роберт Рид, – кто вы и что вас привело в Митаву?

Глава 3

*В чертогах мрачного здания фактов обитают
потрясающей красоты небывлицы.*

Академик Фоменсовский

Вечер затянулся. Мы с Лисом без запинки выдали заинтересованным слушателям заготовленную на этот случай версию о службе в полку пикардийских шевальжеров, об отъезде из Франции, о скитаниях в далеких экзотических землях и о приезде в Россию к дальнему родственнику, герцогу Ришелье. Но и у него жизнь не малина, да и незавидная участь для молодых, сильных, энергичных мужчин состоять «для особых поручений», старшими «куда пошлют». И потому, испросив годичный отпуск, мы отправились искать иной, пока еще не ясно какой, доли. Напоследок родич велел доставить некую депешу принцу Конде, что и было сделано вчера, а нынче... Мир простирается у ног, и бог весть в какую сторону предстоит сделать первый шаг.

Роберт внимательно слушал, изредка задавая вопросы, а я то и дело отвлекался на кокетливую мисс Софи. Ее распахнутые глаза, опущенные длинными ресницами, смотрели с нескрываемым восхищением. Хотелось поведать о себе что-нибудь необычайно героическое. Например, о нашем с Лисом участии в крестовых походах. Но, пожалуй, такое откро-

вание было бы воспринято неадекватно даже выходцами из Нового Света, вряд ли отличавшими Рим от Иерусалима и числившими одно окраиной другого.

Мне отчего-то казалось, что, выслушивая нас и кивая в такт словам, судостроитель думает о чем-то своем. Взгляд его оживился, лишь когда Лис упомянул о том, что некогда я входил в десятку первых клинков Франции. Он тут же предложил в ближайшие дни позвенеть шпагами, сообщив, что сам недурно фехтует.

– А что вы намерены делать теперь? – переводя взгляд с Лиса на меня, поинтересовалась Софи.

– Еще не решили, – слукавил я.

– Может, в Калифорнию, золото искать, – ни с того ни с сего ляпнул Сергей. Я бросил на него удивленно-негодующий взгляд.

– Ты что вытворяешь?! В этом мире о золоте в Калифорнии еще никто не знает!

– И что с того? Погоди...

– Золото? – воспрял из глубины собственных мыслей Роберт. – Никогда не слышал, что оно там есть. А где же, если не секрет?

– Ты гляди, как оживился! Похоже, без дураков, американец. Для него Калифорния – реальная территория, а не земля по ту сторону тумана, вроде Эльдорадо.

– Ты что же, его проверяешь?

– Есть малеха. Должен же кто-то из нас работать, по-

ка ты занят мамзелью, шо Полкан луной.

– Есть, есть, – вслух заверил Лис. – Как щас помню, маркиз Лафайет качал меня на руках и напевал на ночь глядя народную индейскую песнь: «Сакраменто – край богатый, золото гребут лопатой».

– *Лис, что ты несешь?! На каких руках? Лафайету сейчас сорок один год!*

– *На каких, на каких? На верхних, естественно, другие у него не развились. И вообще, что за инсинуации?! Я ж не говорил, что маркиз при этом по-стариковски шамкал и смахивал невольные слезы.*

Мистер Рид напрягся, как борзая, почуявшая след.

– Маркиз Лафайет знал от индейцев о золотых россыпях на берегах Сакраменто?

– Уж точно не от эскимосов – откуда бы им взяться в Калифорнии? Он вообще очень любил моего отца, мою мать, меня. Некоторые даже говорили, что в профиль со спины я очень на него похож. Особенно ночью и в шляпе.

– Вы шутите?

– Какие тут шутки! Отправляйтесь во Францию и посмотрите на Лафайета, а заодно спросите у него, чем я занимался до восемьдесят девятого года.

– Да, но...

– Нет, нет, вы отправляйтесь и спросите!

– Однако ж месье Лафайет...

– Здесь вы правы, Лафайет – действительно месье, уж ни-

как не мадам. Так вот, он вам скажет: я рисовал. Я рисовал, как бог! Поглядите на карту мира – моя рука так же не дрогнула, вычерчивая меридианы среди параллелей, во всю длину их широты!

– Вы что же, были живописцем?

– Ну, скорее живо, чем мертво. Но если вы думаете, что да, то – да, я отвечу вам: нет. Я рисовал карты, и не какие-нибудь там три, семь, туз, и даже не четыре, восемь, джокер. А карту золотых россыпей, которую индейцы кетчупа...

– Кечуа, – поправил я.

– Один хрен, так вот, они подарили эту карту на память Лафайету. Попутно эти кичманы заповедали борцу за их свободу воспользоваться тайными знаниями и прийти в долину Первого Слова, где камни плачут золотыми слезами и горы стонут от обилия этих слез.

– Долина Первого Слова... – замороженно повторил мистер Рид.

– *Клиент созрел, можно забирать*, – слышалось на канале связи.

– Да, и оно куда дороже второго, – продолжал мой друг.

– *Капитан, перестань играть глазами. Ты проиграешься до нитки, и золото Сакраменто придется использовать, чтоб вытащить тебя из долговой тюрьмы.*

– *Сергей, держи себя в руках, при чем тут это?!*

– *Вальдар, у вас, джентльменов, есть странное психологическое заболевание. Стоит вам оказать хоть малейшую*

помощь какой-нибудь смазливой девице, вы дуреете. Типа, может, я недостаточно чего сделал, может, еще горы свернуть, луною с неба сапоги начистить?

– Это ты к чему сейчас?

– Капитан, ты только не обижайся, но тебя уже пора спасать. Ты помнишь, с чего есть пошла Американия – Русь Заморская¹⁰? Если запомнил, напомню. Ты, как настоящий дон Кихот Обломанческий, но только молодой и крепкий, освободил из-под конвоя некую гражданку Тараканову, в замужестве Орлову Я не спорю, результат получился чрезвычайно эффектный, но сколько можно испытывать фарт?!

– Какое отношение законная наследница российского престола имеет к госпоже Рид, пусть хорошенькой, но...

– Кто знает, кто знает. Пока то, что хорошенькая, – для меня очевидно, а остальное, мягко говоря, вероятно.

– Ты что же, в чем-то их подозреваешь?

– С уверенностью могу сказать только, что друг Роберт готов раскроить мне голову и вытащить оттуда карту долины Первого Слова. Кстати, хорошее название, дарю, может пригодиться. Или лучше не долина – урочище. Здоровенный такой урок. Ну а того, шо мисс Рид открыла сезон охоты за твоим скальпом, по-моему, не видят только местные лакеи, да и то лишь потому, что стоят за дверью.

– Лис, в конце концов, это бестактно. Хорошо, что тебя

¹⁰ Подробнее в книге Владимира Свержина «Трехглавый орел»

не слышат любезные хозяева этих апартаментов.

— Вот с этим я согласен! Но давай об этом позже. Что-то здесь, чую задничным барометром, начинает штормить.

*** * ***

Чуткий к атмосферным изменениям «прибор» моего напарника не подвел. Утром в гостиницу явился пристав с сообщением, что нас желает видеть господин полицмейстер, дабы обсудить досадное происшествие, имевшее место быть над лавкой шорника, что на улице...

Полицмейстер — усталый, немолодой человек, присланный в Митаву, должно быть, с единственной целью — тихо и в довольстве доживать свой век, сидел за столом, внимательно созерцая маневры двух заунывно жужжащих мух и ожидая случая нанести роковой удар. Стоило нам переступить порог, он поглядел с укоризной, оставил в покое вредоносных тварей и начал задавать хитроумные, как ему казалось, вопросы. Его высокоблагородие ошибочно полагал, что именно мы с Лисом куда-то зачем-то дели живописца Якоба ван Хеллена. После чего разыграли дурацкий спектакль, дабы попить его личной полицмейстерской кровушки.

К великому для него сожалению, факты не желали ложиться в столь красивую версию. Как всякий полицейский чин, наш собеседник терпеть не мог, чтобы ему противоре-

чили. Убедившись, что не было ни минуты, когда нас никто не видел, он сложил аккуратной стопкой листы показаний, смерил заморских гостей испытующим взглядом и спросил, постукивая кончиком пальцев по столешнице:

– Так куда же вы все-таки дели господина живописца?

– Мы его и в глаза не видели.

– Вы, должно быть, намерены шутки шутить с русским правосудием? Не советую. Оно такое, шутить не любит, а потому – говорите правду!

– Что мы и делаем.

– Это не может быть правдой, поскольку не соответствует реальности.

– Но, господин полицмейстер...

– А реальность такова, какова она по соответствующему докладу, что подтверждается рапортом, в котором все выше-сказанное о нижеизложенном отражено досконально, в мельчайших неопровержимых подробностях.

Этот довод потряс даже Лиса.

– Вот вы, стало быть, не видели господина живописца, а отчего же вдруг сломя голову помчались к нему, от принца-то?

– У меня возникло подозрение, что художник причастен к попытке отравления его высочества, – стараясь придать словам спокойной уверенности, ответил я.

– Стало быть, вот так? – близоруко щурясь, кивнул полицмейстер. – Ну хорошо хоть не отпираетесь, не юлите, мол,

срочно пожелали обучиться рисованию или, там, персону свою на холсте увековечить.

– Отчего бы нам юлить?

– Отчего бы? Вот и я хотел бы знать, «отчего бы». А то вопрос же в чем: какого рожна господину ван Хеллену пропадать, да еще так хитро? Коль не вы сами его похитили, так, стало быть, подбили кого. С кем из лиходеев дружбу водите? Лучше сразу по-доброму сознавайтесь, а то ведь я, как есть, выведаю. Ишь ты, обмануть меня, старика, придумали! Я ж, чтоб вы понимали, еще в Тайной канцелярии в молодые годы уму-разуму набирался. В то время с чужеземцами не панькались, дыба быстро язык развязывала. Ну что, решили уж сознаться? Или запирайтесь будете? От души советую, прямо говорите. Чего время тянуть? Ну а коли финтить вздумаете да запирайтесь – воля ваша. Запирайтесь так запирайтесь. И запрем, и время потянем, и вфинтим с оттягом – все в лучшем виде. Мне, поди, спешить некуда. Посидите на хлебе да воде до самого вразумления. – Полицмейстер кашлянул и плотно хрустнул пальцами. – Знаете, какие у меня там клопы? Размером с крысу. А сами крысы – ого-го! Вот подумываю с ними на кабана ходить! – Глаза у чиновника затуманились: похоже, он приготовился долго и со вкусом расписывать прелести ожидавших нас застенков.

Прямо сказать, такой поворот не входил в наши с Сергеем планы, и потому я начал вспоминать, сколько часовых у входа и на лестнице, а заодно поглядывать на бронзовый

подсвечник на столешнице. Впрочем, опыт подсказывал, что именно на такое поведение и рассчитывает хозяин кабинета. Скорее всего, подсвечник намертво привинчен к столу и, стоит мне за него ухватиться, в комнату ворвется дюжина молодцов с саблями наголо, готовых подтвердить факт преступного нападения на неприкосновенного блюстителя закона.

– *Капитан, не горячись!* – слышалось у меня в голове. – *Уйдем мы от этого дедушки и от всех его бабушек!*

– *Надо как-то передать Конде...*

Я не успел договорить. В кабинет полицмейстера, тихо постучавшись, вошел некий полицейский чин, склонился к уху хозяина и что-то зашептал ему. Тот выслушал, отстранился, обдумывая новость, затем кивнул. Чин вышел, а полицмейстер осмотрел нас подобревшим взором и махнул рукой:

– Ладно, господа, верю я, что не видели вы господина ван Хеллена. Что мне вас в застенках-то держать, русское правосудие оно, знаете ли, всегда на том стоит... – Он задумался, на чем же стоит оное правосудие, и, решив в конечном счете, что это не столь существенно, любезно дозволил: – Да вы ступайте.

– Ты что-нибудь понимаешь? – спросил я Лиса, пока мы спускались по лестнице.

– Конечно. Вот, скажем, понимаю, что молекула воды состоит из атома кислорода и целых двух атомов водорода.

– А серьезно?

– А серьезное, похоже, только начинается. Если меня не обманывают глаза, – Сергей указал на окошко возле двери, – там, у входа, прогуливается мистер Рид.

* * *

Едва массивная дверь, украшенная резными орлами, хлопнулась, Роберт Рид бросился к нам, точно близкий родственник, много лет страдавший в разлуке.

– Вы свободны, господа! Счастлив, что мне удалось... эти алчные мерзавцы...

– Дружище, – Лис положил руку на плечо хозяина верфи, – а не пойти ли нам в какое-нибудь уютное местечко, ну, скажем, в «Коронованный медведь», и не пропустить ли по рюмашке за счастливое избавление? А то у меня после рассказов о крысах, с которыми главный здешний пацук собрался охотиться на своих родичей по свинячьей линии, в горле пересохло, как в пороховнице.

– Конечно, конечно, – заторопился наш новый приятель. – Но если вам все равно куда, я знаю местечко получше.

– Да как скажешь! – беззаботно махнул рукой Лис. Я, может, и поверил бы этой беззаботности, когда бы не знал Сергея столько лет.

– Ты продолжаешь его в чем-то подозревать?

– Капитан, очнись! Вижу, описания русских застенков тебя слишком сильно впечатлили, – не замедлил с ответом

Лис. — Скажи, вот почему этот почтеннейший джентльмен не послал гостиничного слугу к принцу Конде сообщить о наших злключениях и не остался ожидать, чем дело закончится? Нет, он явился собственной персоной и, к гадалке не ходи, забашилял горлохватам за наше освобождение.

— Это ты о чем? Мы должны быть ему благодарны.

— Да я так благодарен, что готов за обед заплатить. Но живой интерес мистера Рида к нашим с тобой особам наводит на странные мысли. Есть два варианта, на выбор: либо твой аристократический профиль пронзил сквозную дыру в трепетном сердечке мисс Рид и братишка поспешил купить любимой сестренке приглянувшуюся ей игрушку, либо — что более вероятно — Роберта заинтересовали воспоминания о моем босоногом детстве и золотых окрестностях Сакраменто. Это то, что лежит на поверхности. А дальше...

— Почему ты не думаешь, что он просто благородный человек?

— А, ну да. По-твоему, объем благородства равен сумме уплаченной взятки? Вот если бы ты изучал в своем «Итоне» не только Боэция¹¹ со святым Северином, но и Маркса с Лениным, то знал бы, что любой буржуин за стопроцентную прибыль удавится на резинке от собственных трусов.

¹¹ Боэций (Аниций Манлий Торкват Северин Боэций) (480–524) — римский философ, государственный деятель, канонизирован католической церковью под именем святого Северина.

Вот давай сейчас с тобой забьемся, что в кабаке мистер Рид попробует меня подпоить и разузнать побольше о калифорнийских сокровищах?

– Ты так думаешь?

– Предвкушаю. И да сопутствует ему птица, поющая на иве, – наивняк!..

К моменту, когда я начал пропускать тосты, хозяин трактира уже любил нас, как родных, и был готов отправить конного гонца в Ригу, чтобы привезти лучшего вина из запасов губернатора и архиепископа.

Споить моего напарника вином было начинанием столь же абсурдным, как попытка сбить пламя спиртом. В этой Митаве – а если правду сказать, то во всей Лифляндии и Ливонии вкупе с Курляндией – не нашлось бы, пожалуй, человека, способного с возвышенной задумчивостью на челе на протяжении суток хлестать жуткое пойло, по количеству градусов неуклонно стремящееся к температуре закипания воды, которое Сергей ласково именовал «лисовым напием».

Как-то раз, экспроприировав в институтской учебной алхимической лаборатории часть приборов и реагентов, Лис уединился на ночь в оружейной мастерской и к утру представил миру агрегат – настоящий шедевр самобытной творческой мысли. Зелье, получавшееся в результате перегонки на нем, валило с ног не хуже ударной волны ближнего взрыва.

Сначала руководство объявило Сергею выговор за неце-

левое использование оборудования и помещения, но после того, как во время одной из операций Лис умудрился вбросить початый штоф разведенного «лисового напия» – «слез палача» в распахнутую пасть невесты откуда взявшегося чудовища – мантикоры... В общем, после этого напиток шел по статье «Вооружение», но применялся только в крайних случаях.

Роберт Рид, естественно, не мог знать об этом и с каждой минутой все больше и больше приближался к состоянию, когда земное притяжение торжествует над волей человека. Как многие уроженцы Америки, он простодушно полагал, что умеет пить. К моменту, когда Лис произнес роковую фразу: «Ну что, может, это все пивком заполируем?» – мы знали, во сколько обошлось наше освобождение и как нужны ему и Софи деньги, чтобы наконец твердо встать на ноги и не зависеть от всяких... тут Роберт приложил палец к губам и зашипел на него, как больная ангиной змея: «Тшшшш...»

Спустя несколько минут он вцепился в рукав Лисовского камзола, пытаясь у него, как здоровье Лафайета. Затем провозгласил тост в его честь, сообщил, что с детства мечтал познакомиться с этим героическим человеком, и если ему посчастливится, то будет рад издать мемуары кумира своего детства. Как мне показалось, эти речи он вел, все еще будучи в довольно ясном уме. Это уже потом, когда взор канадца начал по осмысленности напоминать поверхность воды в стоячем болоте, он притянул наши головы и сообщил, что и

сам когда-то слышал от одного индейца, будто в Калифорнии на берегах Сакраменто есть золото. Даже видел небольшой самородок, добытый именно там, как божился дикий сын прерий. Можно было не сомневаться – наживка проглочена столь глубоко, что стоило вовремя отдернуть руку.

Я не помню, после какой бутылки хозяин верфи стал считать нас едва ли не братьями. Но под рислинг¹² он уже мечтал о времени, когда построит здесь пятнадцать акатов и сможет отправиться вместе с нами в долину Первого Слова, чтобы утереть золотые слезы со щек базальтовых скал. В подпитии Роберт становился поэтичен, что, впрочем, свойственно многим французам, с которыми мне доводилось выпивать. Важнее было другое, и именно на это Лис не замедлил обратить внимание:

– *Капитан, изго этот племянник дяди Сэма лепечет о каких-то акатах? Самокаты знаю. Откаты знаю. А это куда каты?*

Я пил меньше товарищей, поэтому сразу по достоинству оценил уместность вопроса.

– *Серезжа, это очень интересный вид кораблей, весьма редкий, хотя и вполне успешно применяющийся. Так, в российском флоте их всего два, и оба себя прекрасно зарекомендовали в средиземноморском походе.*

– *Не понял!* – обиделся Сергей за родной флот. – *А че так*

¹² Р и с л и н г – белое вино, изготавливаемое из одноименного сорта винограда.

мало?! Опять деньги попилили?!

– Погоди. Акат – это своего рода смесь фрегата со средиземноморской шебекой.

– А, шебеки я помню. Такие, под треугольными парусами. На них еще пираты по Средиземному морю носились, как блохи по сковородке.

– Что-то вроде того. Так вот, этот корабль может ходить круто к ветру, в совсем безветренную погоду использует весла, имеет на борту двадцать пушек, включая пару трехпудовых гаубиц, и в стационарном режиме берет на борт сотню мушкетеров с шестью офицерами.

– Ага, то есть в режиме «перетоптаться» – и все полтора ста влезут.

– На несколько часов могут и большие. Если прикинуть, пятнадцати акатов вполне хватит, чтобы захватить внезапным ударом любой английский порт.

– Неслабая комбинация... – Лис хотел еще что-то добавить, но тут Роберт вновь решил посекретничать и, отогнав слугу, принесшего новую бутылку, зашептал, притягивая нас к себе:

– Вы, главное, не беспокойтесь. Я тут долго не задержусь: организую все и, фьють, – вольная пташка.

– А строить кто будет? – затронутый за живое судьбой российских акатов, посуровел Лис. – Акаты, они ж, поди, не акации, сами не вырастут.

– Сами не сами – это не моего ума дело. А вот давайте

лучше выпьем... – он задумался, – а вот хотя бы за акацию. Чтоб она нас не исколола!..

День закончился мрачно, а следующий начался так, будто прежний и не кончался. Застав поутру у двери номера офицера из штаба Конде, я начал лихорадочно приводить себя в пристойный вид. А когда начал узнавать в зеркале знакомые черты, в комнату, держась для верности за стенку, ввалился Роберт Рид.

– Приятель, она меня выгнала! Сказала, что я – пьяное барахло. Я же, клянусь честью, только о ней и забочусь.

– Там в спальне, на столике у кровати, початая бутылка мадейры, – словно между прочим ответил я.

– Это спасибо, это большое спасибо, но я не о том. Только ж – тсс! – мне нужно отправить малютку Софи к ее, – он взял паузу, – ну, то есть к моему... ну, то есть к нашему дяде с подписанными здесь бумагами. Затем, когда она будет возвращаться обратно, сопроводить ее сюда. Оно не то чтобы сильно опасно, во Франции дядя обеспечит надежную защиту, но вот назад с ней могут быть немалые деньги, кто-то должен охранять и присматривать. Сами понимаете, женщины и деньги...

– Понимаю, понимаю.

– Я вижу, вы с другом – люди чести, и, – Роберт потряс указательным пальцем перед моим носом, – я вижу, крошка Софи вам приглянулась. Ну конечно, разве такая, как она,

может не приглянуться? Она же настоящий ангелок! – Он развел руками и мечтательно поднял глаза. – В одном ее мизинце грации больше, чем во всех дамах Нового Орлеана, ну, в смысле, Квебека. – Он вновь остановился, понимая, что сболтнул лишнее, и перешел к деловой части вопроса. – Так, стало быть, если вы с другом возьметесь сопроводить мою сестрицу в Париж и обратно, я готов хорошо заплатить. А затем, – он щелкнул пальцами, – Сакраменто!

* * *

Принц Конде встретил меня радушно и с нескрываемым интересом принялся расспрашивать о в высшей мере странной истории с пропавшим художником. Посетовав на продажность и нерасторопность местной полиции, он вызвал адъютанта и, велел доставить ему «багаж месье», вновь обернулся ко мне:

– Друг мой, вам сейчас принесут форму лейтенанта армии этих ублюдков. Это настоящий мундир, хотя на вашем месте я бы велел подогнать его по фигуре. Вместе с ним я передаю вам депешу, отправленную генералом Журданом из Рейнской армии в Париж, генералу Дарю – начальнику тыла республиканцев. Вдобавок вы получите личные воспоминания, любезно написанные прежним хозяином одежды. Этот молодой офицер перешел на нашу сторону и с радостью согласился изложить все, что он знает о штабе Журдана, всех та-

мошних генералах, офицерах, их мелких грешках, амурных историях, словом – все, что должно быть известно смышленому и смазливому лейтенанту.

– Да, но...

– Я знаю, друг мой, что в вашем возрасте в Республике уже командуют армиями, но, увы, их генералы давно не перебежали на нашу сторону. К тому же они куда более заметны. Так что настоятельно рекомендую тщательнейшим образом изучить мемуары господина Виктора Арно, ибо в скором времени вам надлежит им стать. Постарайтесь добраться до Франции сколь можно скорее. Как сообщают перебежчики и верные люди на родине, Директория поручила генералу Бонапарту готовить поход в Египет. Должно быть, они мнят корсиканца Александром Великим, – усмехнулся принц. – В любом случае вам следует успеть до того, как он отправится примерить на себя роль воплощения бога Ра и повелителя верхнего и нижнего мира. Кроме того, мой секретарь даст вам несколько адресов во Франции, куда вы сможете обратиться в случае опасности. Но, прошу вас, без крайней необходимости не пользуйтесь ими. У него же вы получите деньги – не ассигнации, а полновесное золото. Ни вы, ни ваши соратники не будете нуждаться в средствах. Там будет достаточно, чтобы при необходимости подкупать чиновников-республиканцев. Все эти вчерашние булочники и адвокаты – продажные твари! Даже сам глава Директории, некий месье Баррас, предлагал восстановить монархию за двена-

дцать миллионов ливров. Беда в том, что у него нет для этого ни сил, — так как он рассчитывает на того самого генерала Бонапарта, как на шпагу в своей руке, ни достоинства, чтобы понять — французские короли не покупают себе трон. Так вот, барон, у вас будет достаточно золота, но помните: за каждую эту монету пролита кровь французов, и много-страдальное Отечество ждет, что деньги послужат для освобождения от якобинской чумы! Это историческая миссия, барон!

Глава 4

*Люди хуже, чем они хотят казаться, и лучшие,
чем они кажутся.*

Судья Линч

Голландский пинас¹³ «Граф Эгмонт» мерно покачивался у пирса на мелкий зыби Рижского залива. Мы прибыли к месту назначения изрядно загодя, готовые сопровождать мисс Рид в ее довольно опасном путешествии. Судно, принявшее нас на борт, следовало в Амстердам, но за умеренное вознаграждение капитан, он же хозяин шестисоттонного «Графа», согласился доставить нас к месту на тамошнем побережье, не столь шумному и более укромному. Корабль вез в Голландию мед и янтарь и потому вполне мог позволить себе задержаться и сделать небольшой крюк: потребности этого рынка всегда превышали предложение.

Лично мне капитан больше напоминал пирата, чем добропорядочного торговца. Похоже, он и сам тяготился столь незначительными заработками. Во всяком случае, услышав мою просьбу, он незамедлительно расплылся в улыбке и закачал лобастой головой с буйными рыжими вихрами, такими яркими, будто он от макушки и до подбородка был охва-

¹³ П и н а с – в XVII–XVIII вв. трехмачтовое, в первую очередь транспортное, судно. Получил распространение в Северной Европе.

чен пламенем. Сейчас этот морской волк стоял на мостике, поглядывая на музыкальный брегет-«луковицу». Крышка то и дело поднималась, и до нашего слуха доносились звуки менуэта. Всякий раз, как это происходило, Софи, в волнении глядевшая на берег, поворачивалась к хозяину судна и говорила умоляющим голосом:

– Мистер, еще десять минут, брат должен приехать! Я хочу проститься с ним. Ведь кто знает, как обернется путешествие...

– Чертовы рога! – неслось с мостика. – Я не могу ждать вечно у этого треклятого пирса! Пора выходить в море, или мы упустим бриз!

Признаться, капитан был не слишком рад взять на борт женщину, и тем более англичанку, пусть даже и из той части Британии, что звалась Канадой, но упускать хороший заработок он хотел еще меньше. Сейчас хозяин «Эгмонта» заметно сердился, накручивая на палец длинный ус и дергая его столь активно, будто проверял, надежно ли тот приклеен.

– Еще немного! Хоть пару минут!

– Все! – С мостика раздался характерный щелчок закрывающейся крышки часов. – Время отправляться. По местам стоять, с якоря сниматься!

Матросы, только и дожидавшиеся команды, споро, без суеты занялись делом. Они налегли на брашпили¹⁴ лебедек, и

¹⁴ Б р а ш п и л ь – палубный механизм лебедочного типа. Используется для подъема якорей.

якорные канаты длинными змеями поползли вверх, наматываясь на тумбу.

– Паруса ставить!

Десятки ног замелькали по туго натянутым вантам¹⁵. Лучшие в мире голландские матросы со скоростью необычайной устремились вдоль рей, спеша занять места согласно штатному расписанию.

– Фок и грот ставить! Курс на норд-норд-вест!

Корабль без спешки с непередаваемым величием отошел от пирса, и волна подхватила его, точно баюкая в рассветной дымке. Софи всхлипнула, не сводя глаз с берега.

– Вам бы отправиться в каюту, мисс, – без лишних сантиментов рывкнул капитан, подобно всем мореходам Северного и Балтийского морей говоривший понемногу на каждом из языков близлежащих стран. – Тут не до вас сейчас.

– Вон, вон он! – закричала Софи, указывая на берег. – Вон, соскочил с коня, я узнаю. Видите, это его плащ, его шляпа!

– Ну так, стало быть, не успел, – недовольно хмыкнул капитан.

– Вы бы могли повернуть корабль?

– Эй, дамочка, корабль – это тебе не лошадь, мы ж сейчас под ветром! Если я тут крутиться начну, сегодняшний день

¹⁵ В а н т ы – снасти стоячего такелажа, которыми оснащаются мачты, а также веревочные лестницы, служащие для подъема матросов на реи при постановке парусов.

пропадет, а мне и так с вами хлопот полон рот. Если желаете, спущу шлюпку, и гребите, прощайтесь, только уж без меня.

– Почтеннейший, – начал я, – грубить даме не стоит в любом случае. А насчет шлюпки – к чему пустые угрозы? Она стоит денег, да и в море порой лучше иметь хорошую шлюпку, чем золото по ее весу.

Капитан зыркнул на меня и скривился.

– Шли бы вы отсюда, – вновь повторил он, но уже без былой грубости.

Требование было справедливым, да и рыдающую Софи стоило увести подальше от чужих глаз: женщина на корабле – само по себе дурная примета, а уж плачущая женщина – так и вовсе. Я подал девушке руку, и она уцепилась за мою ладонь, как за соломинку, последнюю надежду утопающего.

– Простите мне эти слезы, – всхлипнув, пробормотала Софи. – Мы с братом не разлучались уже много лет, кроме него, у меня никого нет. – Она подняла заплаканные глаза. – Теперь, быть может, еще вы... – и вновь разрыдалась.

Я почувствовал теплую волну в сердце. Доверие беззащитной спутницы было так трогательно. Несмотря на иронию язвительного напарника, мадемуазель Софи представлялась мне в высшей мере воспитанной, достойной и, что скрывать, обольстительной девушкой.

Сергей остался в нашей каюте заниматься вещами, не желая «мешать парению амура» и притворно сетуя, что не запасся йодом для обработки ран от его стрел. При этом он

все же не преминул воспользоваться закрытой связью, чтобы понаблюдать за картиной отплытия и всласть поглумиться над чувствами любящей сестры и моим состраданием.

– Лис! – возмущенно перебивая рекомендацию Сергея броситься за борт, чтобы впоследствии стать чайкой и гадить на шляпу сородича, тем самым причиняя ему счастье, воскликнул я. – *Как ты можешь? У тебя душа вообще есть? Или вместо нее – как тому вас в песнях было – «пламенный мотор»?*

– *Не гони беса, милорд, «пламенный мотор» у нас вместо сердца, и то лишь при наличии стальных рук-крыльев. Но, как я понимаю, эта модель в серию не пошла. А насчет души – это не ко мне, а к аббату.*

– *К какому аббату?*

– *Я почему знаю?! Надеюсь, не Фариа... Он тут, то ли от углубленного молитвенного созерцания, то ли от морской болезни, каюты перепутал. Наша по левому борту, у Софы – прямо на корме, а у него – по правому. Ну, он в трех каютах и заблудился.*

– *И что?*

– *Да ничего! Сижусь, готовлю малый абордажный набор, весь стол в пистолетах, и тут примечается это чудо в сутане. Коричневый – это доминиканцы?*

– *Доминиканцы.*

– *Вот это доминиканское чудо в сутане как увидел пистоли, у него чуть капюшон на пуп не съехал. Видно, ре-*

шил, что я уже собираюсь захватить корабль. Ну, пробубнил что-то на латыни, типа «мир тебе, сын мой, возлюбил ли ты ближнего своего?», и умелся на свой борт.

– Понятно. Скажи лучше, у нас в аптечке есть что-нибудь от истерики?

– А как же. Пара оплеух и ведро забортной воды.

– Лис, ты невыносим. Девушке плохо!

– Ну, так сделай ей хорошо. Я тут при чем?

– В конце концов, она – наш пропуск во Францию.

– Лишь бы этот пропуск не оказался просроченным, а то мало ли? У них там вечно голодная мадам Гильотен. Может, ее дядюшка уже свел с этой поборницей равенства близкое знакомство.

– Сейчас террор пошел на убыль.

– Ага, но он всегда готов прийти на прибыль.

– Я в курсе.

– Ладно, веди сюда подопечную, я валерьянку нашел...

* * *

Уж не знаю, приносил ли капитан «Графа Эгмонта» жертву Нептуну или славно помолился святому Николаю, но море было спокойно, а ветер, точно зачисленный в экипаж, старательно надувал паруса. Наш пинас скользил по водной глади со скоростью восемь-десять узлов, вспенивая форштевнем серые волны Балтики.

К исходу третьего дня мы вошли в Кильскую бухту, чтобы оставить там часть бочек с медом и принять на борт норвежскую сельдьпряного посола, высоко ценимую гурманами Амстердама. Я с грустью отметил, что до строительства Кильского канала осталось еще около ста лет, а значит, придется уныло ползти вокруг Дании, которая, хоть и была родиной моих предков, сейчас норвила затащить наше путешествие еще на три-четыре дня.

Наконец Балтийское море осталось позади, дав возможность полюбоваться уникальным зрелищем – границей двух морей, столь различающихся по цвету, что не возникает и тени сомнения, где кончается одно и начинается другое. Теперь нам осталось еще три дня пути морем и при удачном стечении обстоятельств неделя сушей, чтобы наконец оказаться в Париже.

Я стоял у борта, глядя на безбрежную, покрытую барашками пены водную гладь, вспоминая майский Париж, где запах черемухи смешивается с вонью подгнившей рыбы. На Гревской площади, у самой ратуши, мясники разделывают коровьи туши, спасаясь от удушливых запахов не менее удушливым, хотя и более приятным амбре «кельнской воды», сиречь одеколона. Впрочем, последняя моя командировка в Париж в роли Генриха Наваррского¹⁶ не оставила у меня особого желания вновь посетить столицу мира, как горделиво звали свой город французы.

¹⁶ Подробнее в книге Владимира Сержина «Чего стоит Париж?».

Я смотрел на перекатывающиеся за бортом волны, обдумывая возможный сценарий подхода к Наполеону, попутно вспоминая шаг за шагом судьбу этого великого человека, обреченного роком на падение. Он был вынужден повышать и повышать ставки, ибо только так мог продолжать головокружительную игру. Он одерживал все новые и новые победы, и все они вели его в пропасть, в безвременье затерянного посреди Атлантики острова Святой Елены.

Но до этого было еще далеко. Пока Бонапарту предстояло сделать выбор, один из тех немногих, когда рамки человеческого разума не способны вместить грандиозного величия последствий. Порой, увы, мрачного величия.

Наполеон пока – амбициозный генерал, а не император. Решится ли он опереться на силы и средства российского государя, чтобы стать первым среди равных у трона законного монарха, или выберет «быть первым в республиканской деревне, а не вторым в Риме»?

Я помнил Бонапарта – победоносного генерала русской армии, каким знавал его после сражения у Сокольников¹⁷, а еще раньше – молодого храбреца, командира батареи в армии Лафайета, каким он нам встретился в той самой экспедиции Пугачева в Америку, о которой неоднократно вспоминал Лис в Митаве. Тот Наполеон – дерзкий, с горящим взором, с длинными разметающимися волосами, был фигурой ностальгической и, стало быть, по-своему близкой.

¹⁷ Подробнее в книге Владимира Свержина «Сеятель бурь».

Теперь нам предстояло столкнуться вновь, но уже с другим Бонапартом и в другом мире, где нам было заказано свернуть на одну из прежних троп, не было надежды узнать друг друга, встретиться, как старые приятели. Что скажет генерал Директории, куда повеет ветер истории на этот раз?..

– О чем задумался, Капитан? – Лис подошел к фальшборту.

– О нашей миссии.

– Неожиданно. Кажется, во время этой парусной прогулки ты о работе совсем думать забыл.

– Сергей, прекрати. Кстати, почему ты не около мисс Софи?

– Не хочу мешать душеспасительным беседам мисс с его преосвященством.

– Преподобием, – автоматически поправил я.

– Да хоть святейшеством. Я смотрю, море вообще располагает к разговорам о смысле жизни и тщете всего сущего.

– Ты сейчас вообще к чему это сказал?

– Исключительно к тому, что лучше беседовать, глядя с моря на небо, чем с неба на море. – Он с деланой благостью сложил руки перед грудью. – Ты знаешь, Капитан, у меня появились странные видения. Вот теперь думаю, может, меня укачивать начало?

Я поморщился:

– Давай сразу отбросим твои нелепые версии и перейдем к сути дела.

– Экий ты нетерпеливый... А, понимаю-понимаю, ты ж у нас теперь не англичанин, а настоящий француз, горячая кровь, пламенный сын Юга.

– Пикардия – на *севере* Франции, – напомнил я.

– Закончим урок географии и вернемся к видениям?

– Поскорее бы, – согласился я.

– Так вот, последние дни меня не оставляет впечатление, что я уже где-то видел нашу Софочку...

– Парус! – раздалось с наблюдательной площадки.

– Что там уже, опять белеет, одинокий?! – встрепнулся остроглазый Лис. – Так, шо белеет, пока еще толком разобрать не могу, а вот шо краснеет – уже вижу. Вальдар, уж не знаю, обрадуешься ты или нет, но это твои соотечественники и, что показательно, под военным флагом.

Вдали раздался пушечный залп.

– Ты ба, нас тоже увидели! И по-моему, у них к нам, как бы так выразиться, чтоб не выразиться, нездоровый интерес.

Рыжекудрый хозяин «Графа Эгмонта» смотрел в подзорную трубу на приближающийся корабль, недовольно стискивая зубы, точно пытаясь раскусить мундштук длинной трубки, которую он никогда не выпускал изо рта.

– Это англичане, мать их акула!

Британский корабль был уже вполне различим. Одномачтовый гафельный шлюп, вооруженный десятком восьмифунтовых пушек, заходил круто к ветру, стремясь лечь на параллельный курс. На мачту поползли яркие полотнища флаж-

кового семафора.

— Они требуют остановиться и принять на борт досмотровую команду. — Шкипер выпустил из трубки такой клуб дыма, что на мгновение скрыл от глаз посудину «этих наглых сволочей». — Мы в открытом море, какая еще досмотровая команда?! — Он положил руку на эфес абордажной сабли. — Что о себе возомнили эти дьяволы свиньи?! Канониры, к орудиям! Открыть пушечные порты! Сейчас я им покажу досмотр! Сейчас их самих Сатана в преисподней досматривать будет!

Прогревшая над палубой команда вызвала живейшее одобрение экипажа. Матросы ринулись по местам, готовые совершить предусмотренный расписанием боевой разворот и после первого залпа пересечь курс вражеского шлюпа.

Что и говорить, голландцы вообще не жаловали англичан, не без оснований считая, что именно усилиями островитян жители Нижних земель лишаются изрядного куса жирного колониального пирога и огромных прибылей заморской торговли. Не раз и не два они жестоко воевали между собой, не имея сил достигнуть решительного перевеса в боевых действиях. Казалось бы, судьба улыбнулась голландцам сто десять лет тому назад, когда экспедиционный корпус принца Оранского высадился в Англии и сверг династию Стюартов, фактически поставив Британию под голландское владычество. Но улыбка фортуны оказалась притворной, если не сказать глумливой. Вскоре новый Вильгельм Завоеватель был

вынужден одну за другой сдать позиции, уступая власть английскому парламенту. А спустя всего одиннадцать лет он и вовсе в расстроенных чувствах покинул остров, чтобы вернуться в родную Голландию. Уплыл, по пути со злости выкинув в море большую королевскую печать.

И уж как-то так повелось, что с той поры Англия пошла на подъем, а Голландия начала терять позиции великой державы, и терять безвозвратно. Именно это больше всего злило жителей Нижних земель, в глубине души считавших Британию своей провинцией. Лишь только роковая случайность, давшая Вильгельму Третьему умереть бездетным, позволила британцам вывернуться и сорваться с крючка. А потому, уж конечно, не какому-то английскому шлюпу диктовать условия добропорядочному голландскому шкиперу.

Все четырнадцать шестнадцатифунтовых орудий пинасы были готовы к бою, матросы вооружены и дышали предвкушением абордажа, капитан возбужденно перекачивал в зубах неизменную трубку, но... британцы явно не собирались вступать в неравный бой. Сквозь окна каюты я увидел, как надуваются ветром фок-стаксель и летучий кливер, как поворачивается гик, наполняя сероватое полотнище гафеля. Что мудрить, шлюп имел почти в три раза меньший вес бортового залпа, но он был куда маневреннее пинасы и мог ходить очень круто к ветру, развивая при этом вполне ощутимую скорость. Теперь, сообразив, что голландцы не собираются ни останавливаться, ни тем более принимать досмотр-

щиков, англичане без зазрения совести бросились наутек. При этом они старались держаться аккуратно впереди «Графа Эгмонта», так, чтобы если и подставлять себя под огонь, то максимум двух носовых орудий пинаса.

Погоня длилась около получаса. Иллюзия, что еще чуть-чуть и британцы окажутся в зоне досягаемости бортового залпа, не покидала экипаж, и тогда англичане будут вынуждены либо спустить флаг, либо пойти на дно. Мы с Лисом уже внутренне приготовились к возможному участию в абордаже, но вдруг в нашу каюту вбежала мисс Рид, бледная и, кажется, испуганная не на шутку.

– Джентльмены, – глядя на нас расширенными от страха глазами и чуть запинаясь, произнесла она, – там сзади еще два корабля. Большие. Куда больше этого!

Я ринулся в кормовую каюту – лучшие на корабле апартаменты. Сквозь застекленный эркер¹⁸ было хорошо видно, как в шести-семи кабельтовых¹⁹ от нас, расходясь, чтобы зайти «Эгмонту» с обоих бортов, словно волки, травящие оленя, двигались грозные в своем молчаливом величии фрегаты.

– Что-то мне это смутно напоминает, – сказал Лис, подходя ко мне. – Ситуация типа «мужик, ты че маленького обижаешь?». Обычное гоп-стопное разводилово.

– То, что ты называешь разводиловом, – негромко ответил я, – замечательно проведенный маневр. Теперь англича-

¹⁸ Э р к е р – выступающая застекленная часть кормового среза.

¹⁹ К а б е л ь т о в – одна десятая морской мили, 185,2 м.

не вполне могут забрать корабль как атаковавший их.

– Как думаешь, голландец вступит в бой?

– Лис, у нас на корме два пятидесятидвухпушечных фрегата. Если «Граф» попытается отплываться из своих орудий, они в два-три залпа наковыряют в нем столько дырок, что Нептун сможет использовать пинас в качестве ситечка для чая.

– Впечатляющая перспектива. Тогда, как говорят на моей исторической родине: «Мама, пишите сразу в плен». Давай прикидывать, как будем выбираться из этой халепы...

Молодцеватый лейтенант британского флота – начальник трофейной команды, высаженной на борт, сидел в каюте, еще недавно принадлежавшей рыжему капитану (ныне закованному в цепи и брошенному в корабельный карцер), разглядывал лежавшие перед ним мою французскую форму, треуголку с трехцветной кокардой и пакет на имя генерала Дарю.

– И я должен вам, месье, верить, что вы не француз? Почему? Только потому, что вы отменно говорите на моем языке? Так половина населения Бретани говорит на нем лучше, чем все эти чертовы ирландцы или валлийцы. Мы же с вами офицеры, а на войне есть победы и есть поражения. И то и другое следует принимать с достоинством, не отрекаясь от своего звания...

Я готов был поклясться, что мой велеречивый собеседник

лишь совсем недавно получил офицерские эполеты и сейчас повторяет слова, слышанные от кого-то из отцов-командиров.

– У вас есть показания мисс Рид, вашей соотечественницы, ее брата, преподобного аббата...

– Да, все они говорят, что вы поднялись на борт в Риге. Я джентльмен, если вы понимаете, о чем я, и не стану усугублять вашу и без того тяжелую участь. Мне понятно, что они врут, стараясь выгородить человека, с которым несколько дней провели в море, но, в конце концов, решать вашу судьбу буду не я. Я лишь записываю ваши показания. Сразу после того, как судно будет доставлено в порт, вы окажетесь в офицерском бараке тюремного замка. Поверьте, там вовсе не так плохо. Вам будет предоставлена лежанка с соломенным тюфяком и двухразовое питание. К тому же, – он поднял указательный палец, – как честный человек, я оставлю обнаруженные при вас личные деньги, так что вы сможете покупать то, что найдется в тюремной лавке. Кроме того, скучать вам не придется. Камеры, правда, небольшие, всего на два-три человека, но днем разрешены двухчасовые прогулки. Там много ваших, даже один адмирал имеется. – Он расплылся в улыбке, точно самолично пленил неведомого мне флотоводца. – А через пару дней на остров должен прибыть лорд Габерлин – уполномоченный его величества. Он решит судьбу пленных.

– Так, – раздалось на канале связи, – *одно уже ясно. Мы*

плывем не прямо в Англию, а в какие-то ее дальние огороды. Капитан, шо там у вас в окрестностях?

– Джерси, Гернси и куча мелких островов около них.

– Занятно. А вот скажи мне, как истинный француз истинному англичанину, какого рожна пленников, вместо того чтобы нормально отвезти в Англию, тащат на эти самые острова?

– Ну хоть не на урановые рудники. Не всегда удается отыскать логику в решениях лордов адмиралтейства. Очевидно, эскадра, на часть которой мы наткнулись, имеет базу на Нормандских островах. Раз так, у них нет приказа заходить в какой-нибудь Ярмут до истечения срока патрулирования, а захваченные корабли велено доставлять на базу вплоть до высочайшего распоряжения. Это дает нам определенный шанс: Нормандия-то рядом.

– «Нормандия-Неман».

– В смысле?

– Эскадрилья такая была, французская, за наших воевала в годы Великой Отечественной, которая одновременно Вторая мировая. Так она долгое время стояла неподалеку от моего города. А ты думаешь, откуда у меня гасконские корни? Славный был истребитель, лейтенант д'Орбиньяк... Ладно, долой суету и позерство. У меня есть план: давай захватим лорда Габерлина? Раз уж все равно в тюрьме время коротать.

– Ну, предположим. Как мы, по-твоему, это сделаем?

– Я уже предложил – захватить. Теперь, о мудрый, твоя очередь. Придумай как, а я продолжу изображать любящего брата и утешать дорогую сестричку, непонятно с чего так огорченную пленением случайного знакомого.

– Сергей, ну и кто ты после этого?

– Полагаю, что все тот же, что и до этого. Уверен, мои утешения заставят твою мысль работать значительно быстрее. А хочешь, я тебе для вдохновения еще шансона напою: «Владимирский централ, ветер северный...»

– Не надо, я все понял!

* * *

Гавань небольшого острова Сейнт-Энн была полна кораблей. Должно быть, основная база находилась все же на одном из крупных островов архипелага. Но и здесь, почти соприкасаясь бортами, у пирса жались тендеры, шлюпы, куттеры, шхуны – мелочь так называемого шестого ранга, которую незадачливые рыбаки и контрабандисты выводили по обычаю в море и которую, по закону войны, захватывали фрегаты его величества, патрулирующие Английский канал²⁰. Все они переводились в разряд патрульных или связных кораблей, поднимали флаг британского королевского флота, наспех вооружались и с экипажем, набранным с бору по сосен-

²⁰ А н г л и й с к и й к а н а л – британское название Ла-Манша.

ке, выходили в море.

«Граф Эгмонт» среди этой мелочи смотрелся породистой овчаркой в стае бродячих шавок, но главное, что я увидел в зарешеченное окошко своей камеры, – далеко не все кораблики «морской флотилии» казались живыми. Около некоторых прогуливались скучающие часовые с ружьями на плечо, скорее отдавая дань традиции, чем реально опасаясь налетов.

– Что, приятель, – заметив интерес к происходящему в гавани, насмешливо спросил меня сосед по камере, – сбежать решил? Близок локоть, да не укусишь.

Английский канал – британское название Ла-Манша.

– Это если свой, – криво улыбнулся я. – Своего локтя не укусишь, зато чужой – без проблем.

Мой сокамерник несколько секунд молчал, потом рассмеялся:

– Добро пожаловать в каменный мешок, комбатант!²¹

²¹ К о м б а т а н т – боевой товарищ, соратник.

Глава 5

*Кнопка на стуле не столь опасна, но куда более
ощутима, чем кнопка ядерного чемоданчика.*

Джон Крепкий Орешек Маклейн

Молоденький лейтенантик, приведший «Графа Эгмонта» в порт Брай, заблуждался – места в офицерском бараке закончились еще до моего прибытия, и поэтому я был удостоен «высокой чести» поселиться в одном из помещений главной замковой башни, господствующей над гаванью. Вид из-за зарешеченного окна-бойницы на море был бы красив и романтичен, когда бы не опасение, что он может стать последним в моей жизни.

Конечно, я надеялся на лучшее, однако человек предполагает и лишь Господь располагает. В камере стояли четыре деревянных топчана, и три из них еще ждали хозяев. Когда полусонный капрал гарнизонного батальона, стерегущий камеры в башне, захлопнул за мной окованную металлическими полосками дверь, в сырой келье располагался всего один старожил – совсем юный морской офицер республиканского флота, лет восемнадцати – девятнадцати, вряд ли старше. Он принял меня слегка настороженно, соображая, откуда здесь взялся кавалерийский лейтенант. Но, похоже, долгая задумчивость юноше была не свойственна. Рассмеяв-

шись незамысловатой шутке, он сразу потеплел и протянул руку для приветствия:

– Мичман Жан Леблан, гражданин.

– Чрезвычайно рад познакомиться. Жаль, что при таких обстоятельствах. Виктор Арно, лейтенант восьмого конно-егерского полка.

– Разрешите вопрос? Что делает здесь сухопутный офицер? Вот уж где не ожидал встретить конного егеря!

Я скривился и махнул рукой:

– Я – адъютант генерала Журдана. Начальнику штаба взбрело в голову, что двигаться морем быстрее, нежели верхом, да и опасностей меньше.

При этом замечании мой собеседник залился по-детски звонким смехом, словно после хорошего анекдота.

– Да уж, поменьше! – хлопая себя по ляжкам, недвусмысленно прокомментировал он.

– Я вот тут думаю, – медленно заговорил я, дождавшись, пока мичман отсмеется, – быть может, кому-то там, наверху, было нужно, чтобы пакет угодил в лапы англичан?

– Полагаете, измена? – посуровел юноша.

– А вы бы что подумали на моем месте? – хмыкнул я, отвечая вопросом на вопрос.

– Мне и на моем невесело, – резко погрузнел собеседник. – Посмотрите, там, у пирса, третий слева.

Я посмотрел. Среди прочих суденышек, оставленных экипажами, точно борзая, привязанная к столбу, подпрыгивал

на волнах легкий одномачтовый кораблик.

– Это мой «Стриж», – прокомментировал сокамерник. – Прекрасный, доложу я вам, куттер²². Три недели тому назад я вышел из Бреста в Кале, но, как сами видите, мой Кале теперь здесь, и бог весть, смогу ли когда-нибудь еще выйти в море.

Я вновь поглядел на куттер. Стремительные линии его обводов свидетельствовали о том, что при малых размерах суденышко развивает отличную скорость и ему не нужен большой экипаж. А значит, дело за малым – всей нашей компанией попасть на борт, обзавестись по дороге экипажем, хорошим лоцманом и выйти в море, не вызывая у англичан острого желания встретить нас залпом береговых батарей или орудий фрегата, охраняющего вход в бухту. Как сказал бы Лис... Я включил закрытую связь.

– Капитан, то-то мне не нравится быть англичанином. Почему меня, известного канадского бизнесмена, держат в четырех стенах этого замка, как будто я какой-нибудь там гурман лягушачий?!

– И все же, Серезжа, твои четыре стены сильно отличаются от моих.

– Вот только не надо мне тут рассказывать о социальной справедливости и вопрошать, кому на Руси жить хоро-

²² К у т т е р – одномачтовый парусный корабль XVII–XIX вв. Использовался для посылной и разведывательной службы, а также в таможне и береговой охране.

шо. Тоже мне, Герцен! Как по мне, отсюда пора уже выбираться!

— Я помню, ты говорил.

— Ай, молодец, купи медаль в галантерее! Я не слышу конструктивных предложений.

— Это потому, что ты не даешь вставить слово.

— Это потому, что слово не воробей, вставишь — неставишь.

— О господи, побудь хоть немного серьезным!

— Ты Господу или мне?

— Тебе!

— Шо я с этого буду иметь?

— Ночную прогулку и ветер свободы в парусах.

— О, слышу голос прежнего Капитана.

— Ты обещал быть серьезным.

— Вальдар, ты же знаешь, когда я становлюсь серьезным, я представляю серьезную угрозу для общества.

— Именно этого я от тебя и добиваюсь.

— Излагай давай, откель грозить мы будем шведу.

— При чем тут швед?

— При Медном всаднике. Не отвлекайся.

— Так, для начала, насколько вы свободны в передвижении?

— В тюремный сектор мы не заходим, однако шастать по замку можем беспрепятственно. Как сказал летеха, лорд Габерлин уже прибыл на Гернси и к ночи будет здесь. Стало

быть, завтра днем примется отделять козлиц от овниц.

— Хорошая новость. Надеюсь, никто не помешает лорду до поры до времени действовать по его плану.

— Давай-давай, поведай остолбеневшей публике, что ты уже надумал.

— Скажи, ты сможешь раздобыть мундир английского офицера?

— Судя по тому, как давший летеха глядит на нашу прелесть, при известном повороте событий я могу позаимствовать мундир, а также нижнее белье, при этом не потревожив тела.

— Лис, ты обещал!

— Шо тебе теперь не нравится при моей серьезности? Я справедлив, шо тот плакат «Куда ты заныкал остаток зарплаты?!» или там еще спрашивали: «Ты записался доброволком?!»

— Лис!

— Ну, хорошо, хорошо. Если Софи ответит мне взаимностью в целях великого дела, то мы вытряхнем лейтенанта из порток и портупей, не дав ему возможности куртуазно их скинуть. Шо дальше?

— Дальше нужно проникнуть к лорду и сообщить ему, что французский офицер, захваченный на голландском корабле, на самом деле английский дворянин, посланный в Россию со специальным заданием.

— Блин, это такая голая правда, что даже обидно! Я так

растрачу таланты в тупом и банальном изложении фактов. Негде же развернуться!

— Погоди, разворачиваться будем в гавани.

— Ладно, уговорил. Суть я понял, но ответь мне на пару вопросов: кто и с каких бодунов пустит какого-то лейтенанта к уставшему от трудов праведных лорду, да еще среди ночи?

— Лис, во-первых, это как раз твоя задача придумать, как и почему. Во-вторых, ночью как раз легче, чем днем. Меньше помех.

— Ага, типа, спят усталые игрушки... Ну, спасибо, удружил! Пойду думаю думать и склонять мисс Рид к противозачаточным действиям.

— Ты опять за свое?

— За какое еще свое? Это я, по-твоему, должен с лейтенантом флиртовать?! И не надейся, я на такое не подписывался!

Я тяжело вздохнул, и Лис вновь заговорил серьезно, вернее, настолько серьезно, насколько он вообще был способен:

— Ладно, хорошо. Нанесли мы неофициальный враждебный визит, и что дальше? Я так понимаю, Софу здесь бросать ты не собираешься?

— Сергей...

— Можешь не отвечать, это был грязно риторический вопрос. Я просто стараюсь покрасивше себе представить увлекательную ночную прогулку: ты, да я, да мы с тобой.

Плюс отрада глаз твоих, плюс лорд... да, кстати, брата госпожи Рид берем или оставляем здесь?

– Что?!

– В грамматике русского языка вопрос, относящийся к одушевленному скоплению атомов, должен звучать не «что?», а «кто?».

– Погоди, но он же остался в Риге... мы же с тобой видели...

– Да ну? Ты, похоже, слушал тоже этим, как его? Сердцем. А надо, скажу тебе по секрету, ушами. Софа четко сказала: «Вон его шляпа и плащ», где в этом наборе предметов distinguished мистер Рид?

– Нигде, – сознался я.

– Правильно. Садись, пять! Впрочем, ты уже сидишь. В тот момент, как ты утешал мисс Рид и отпаивал ее казенной валерьянкой, наш уважаемый судостроитель решил удалиться от терний мирской жизни.

– Ты хочешь сказать, что все это время он скрывался под сутаной доминиканца? То-то он все сидел в каюте.

– Ну почему так сразу – скрывался? Может, ему после нашей пьянки явление было, такая себе разновидность белой горячки. У него вообще сейчас тяжелый период в жизни. Сначала он бросил писать портреты, потом строить корабли...

– Погоди, погоди, Лис! Ты что же, хочешь сказать, что Якоб ван Хеллен и Роберт Рид – одно и то же лицо?

– Я б даже утверждал, что все остальные части тела тоже одни и те же. Как ты помнишь, ван Хеллена я не видел, однако краем глаза заметил того самого мальчишку, который приносил ему пиво и сосиски.

– Да, я помню, который бесследно исчез.

– Ага, потому что его никогда и не было. Капитан, еще раз, оставь сердцу его прямую функцию – перекачивать кровь, а попутно напряги серое вещество. Мальчика не было, потому что была девочка! Столь приятная твоим глазам, рукам и бог весть еще чему Софи Рид. Они с братом, конечно, умеют здорово гримироваться и быстро менять костюмы, но есть маленькое «но» – манера двигаться у них остается та же. Не пощастило ребятам изучать систему Станиславского.

– Проклятье!

– Я хотел тебе сказать раньше, еще там, на борту, но, с другой стороны, это хорошая новость. Если бы мисс Рид оказалась мальчиком, тебя бы ждало глубочайшее разочарование в жизни.

Я лишь вздохнул, признавая правоту старого друга.

– Тогда выходит, они тащат нас в ловушку. Все эти басни про верфь в Риге и высокопоставленного дядю в Париже лишь для того, чтобы заманить нас во Францию, прямо в руки тамошней контрразведки.

– Может, и так, – согласился напарник. – Но я думаю, история с золотом на берегах Сакраменто их настолько под-

цепила, что банально сдавать нас на ужин мадам Гильйотен они вряд ли станут.

— Пожалуй. Скорее всего, действительно затеялась какая-то подковерная борьба. Хорошо бы выяснить, кто на самом деле эти двое и чего хотят. Естественно, кроме золота.

— А может, ничего, кроме него, душевного, и не хотят?

— И в этом тоже неплохо бы убедиться. Но ответь мне, если ты уже давно понял, что мисс Рид и ее брат не те, за кого себя выдают, почему загодя не предупредил меня? Почему не остановил?

— Капитан, вот ты странный! Ты ж помнишь, что ван Хеллен слышал о твоей миссии, так сказать, в прямом эфире. Был это мистер Рид или его тайный агент — глубоко по барабану. В Париже уже, вероятно, готовят ковровые дорожки к твоему приезду, а заодно — почетный караул трех сортов войск. В принципе, эта семейка могла пустить дело на самотек. Ван Хеллен явился бы к принцу через пару дней после нашего отъезда, напел песен, как его похитили разбойники, надеясь получить выкуп, а намедни, скажем, упились, как свиньи, и вот он здесь, в цветах и в шляпе. Но они так не сделали. Стало быть, у них имеется явный тайный интерес. Так пусть до поры до времени думают, что все идет по их хитроумному плану. Я ж знаю, ты придумаешь, как выкрутиться.

— Спасибо, удружил.

– Да всегда пожалуйста, чуть шо, обращайся. Но, Капитан, я уже притомился с ответами и еще не закончил с вопросами.

– Давай задавай.

– В мои многочисленные таланты входит пилотирование легкомоторных самолетов, но в смысле кораблей я могу разве что с барышней, на веслах. Кстати, ты уже озаботился, где мы берем корабль?

– Конечно. Не только где, но и какой. Сейчас только обсудим с его капитаном детали, и можно будет стартовать.

– Я в тебя верил! Тогда я пойду окучивать ридное семейство.

– Только, пожалуйста, не переусердствуй.

– Ой, не делай мне смешно, я ж обещался быть серьезным.

Связь отключилась. До начала активных действий оставалось еще несколько часов, и следовало утрясти некоторые насущные вопросы.

– Красивый. – Я еще раз поглядел на куттер. – Действительно, стриж. Должно быть, быстроходный?

– Летит, как птица. Но, увы, по артиллерии с фрегатом ему не тягаться. А эти сволочи дежурят неподалеку от портов и перехватывают все, что выходит в море с нашей стороны.

– Да, – согласился я, – незадача. Жак, а что ты скажешь, если у тебя вдруг появится возможность вырваться отсюда?

– Приятель, если ты волшебник и превратишь меня самого в стрижа, я и на это соглашусь.

– Нет, колдовать я не умею.

– А сбежать отсюда невозможно. Стены тридцать футов, башня – все пятьдесят, да еще прибавь сюда высоту скалы, на которой она стоит.

– Господь с тобой, Жак! Я не умею не только колдовать, но также летать и проходить через стены. Я намерен уйти отсюда, и уйти через ворота, если ты со мной...

Молодой офицер поглядел на меня долгим, испытывающим взглядом.

– Гражданин Арно, если ты не шутишь, если ты и впрямь сделаешь это, то отныне и навек...

– Вот и отлично. Тогда ответь, экипаж «Стрижа» в крепости?

– Да, в матросских бараках.

– Ты можешь передать им, чтобы сегодня вечером они были готовы выполнить любой твой приказ, не задавая лишних вопросов и ничему не удивляясь?

– Попробую, Виктор. Матросов заставляют выносить баки с нечистотами из офицерских камер...

– Передай, это очень важно. И да сопутствует нам удача. – Я выставил вперед кулак, будто держа в нем стакан грога, и мой собрат по несчастью, уловив смысл жеста, ответил на него тем же.

Щеголеватый лейтенант постучал в дверь комнаты мисс Рид и, дождавшись ответа, толкнул ее.

– Софи, я так рад, что вы ответили на зов моей души! Я так ждал этой встречи. Вы самая прелестная девушка, которую я когда-либо видел. Софи, поверьте, я не какой-нибудь там вертопрах, я честный и благородный человек, я сквайр. Если вы скажете мне «да»... – Он страстно вцепился в плечи хрупкой девушки.

– Да! – раздался за дверью голос Лиса. – Софа! Я шо-то не понял, где мои чистые носки? – Лис распахнул дверь и замер на пороге, дико вращая глазами. – Я опять как-то не понял, шо делает этот грязный хмырь в покоях моей любимой маленькой сестрички?!

– Сэр, я все объясню!

– Святому Петру ты все объяснишь, если он тебе предвительно челюсть обратно приделает!

– Но, сэр!

Левый кулак Лиса врезался в печень лейтенанта, точно штурмовой таран в крепостные ворота, и офицер уселся мимо стула, хватая воздух ртом и глядя на мир бессмысленным взглядом.

– Поговори у меня тут! Софи, девочка моя, прошу тебя, сходи-ка покайся достопочтенному аббату в своих грехах.

И мне очередь займи, я сейчас разберусь с этим коварным насильником, позорящим высокое звание лейтенанта военно-морских сил, и тоже приду каяться.

Софи Рид слегка присела в поклоне и, потупив взгляд, покинула комнату.

– Как говорится, – подытожил Лис, доставая из кармана тонкий, сплетенный из конского волоса шнур, – жизнь полна импровизаций. – Он привычным жестом свил петлю, накинул ее на шею офицера, затем рывком поднял его за шиворот и бросил на постель. – Ты ж сюда хотел? Ни в чем себе не отказывай, только одежду скинь, а то неудобно как-то – в койке и в сапогах. И давай без глупостей, а то следственная комиссия будет долго выяснять, почему молодой, подававший надежды сквайр решил вдруг повеситься в покоях одной милой девушки.

Проделав требуемое, лейтенант попробовал было рвануться в сторону, но получил от Сергея тяжелую затрепанину и дальше старался не дергаться. Тем более, что попытки разорвать горлом волосяной шнур не доставляли ему приятности. Спустя пару минут все было закончено. Лейтенант лежал на боку с закрытыми глазами и дышал через раз, поза его была не слишком естественна, и попытки шевельнуть ногами все ту же затягивали петлю. Но Лис и не требовал у противника шевелить ногами, он стоял над ним и вещал тоном заправского оратора:

– Военная стезя, она такая: бывают победы, а бывает и

«ну его на фиг!». И вот этот «на фиг» надо встречать с достоинством. И запомни, эсквайр, если ты будешь дергаться, останешься без достоинства. Все, почтеннейший, не буду мешать. Подумай о вышнем, о пользе целибата, а я пойду каяться, ибо шо-то я загрузил душу грехами по самое не балуйся. А сколько мне их сегодня еще предстоит совершить! Прощай, дружаня.

* * *

Путь от комнаты мисс Рид в часовню, возле которой находилось жилье, выделенное местным капелланом заезжему аббату, был недолог. Замок Брай никто бы не назвал полноценной военно-морской базой, но, когда он строился, никто и подумать не мог, что здесь станут содержать сотни военнопленных и в придачу – какой-никакой гарнизон!

Обнаруженных на кораблях соотечественников англичане помещали в комнатах замковой прислуги. Апартаменты коменданта на третьем этаже господского дома были, по сути, единственным приличным помещением. Сегодня, по случаю приезда лорда Габерлина, комендант покинул замок и отправился гостить к одному из городских олдерменов²³, уступив свои покои высокому гостю.

Все это Лис выяснил, пока развлекал беседой увязывае-

²³ О л д е р м е н – член городского правления.

мого лейтенанта, прежде чем заткнуть ему кляпом рот. Теперь Сергей стучался в дверь небольшого флигеля, спеша придать лицу своему вид столь благодостный, что даже чудотворная икона могла бы перестать рыдать кровавыми слезами и улыбнуться от умиления.

– Падре, я вас не потревожу?

– Входите, сын мой, – раздался приглушенный ответ. Сергей не заставил себя уговаривать.

Мисс Рид сидела за столом, святой отец стоял у распятия, повернувшись спиной к двери, и, перебирая четки, шептал под нос молитвы.

– Падре, я бешено извиняюсь, шо отвлекаю от беседы со Всевышним. Поболтать с ним вы всегда успеете, а у меня дела, не терпящие отлагательств.

– Стыдитесь! – раздалось из-под капюшона.

– Да, как-нибудь, при случае, обязательно! Я ж только хотел узнать, ваше преподобие, вас не одолевает внезапное желание в очередной раз сменить амплуа?

– Да как только язык у вас повернулся!..

– Меньше пафоса! Язык у всех поворачивается силой надлежащих мышц и должных сигналов мозга. Вернемся к вашей особе. За столь краткое знакомство я уже знаю о трех ролях: художник ван Хеллен, кораблестроитель Рид, вот теперь – аббат. Поверьте, я готов рукоплескать, но у меня нет времени, и у вас, замечу, тоже.

Капюшон откинулся, Роберт Рид выплюнул пару кусков

ваты, раздувавших его щеки и менявших голос, стянул парик с тонзурой и бросил его на стол. Все это время Лис молча следил за действиями знакомого.

– И давно вы меня раскусили? – после недолгой паузы спросил Рид.

– Заподозрил еще на берегу, практически в момент знакомства, а потом, когда любящий брат опоздал к отплытию, все стало очевидно.

– Видишь, Софи, – Роберт повернулся к сестре, – а ты говорила, отлично придумано.

– Да вы так не расстраивайтесь, – утешил их Сергей, – соворите мне, что хотели проверить чувства моего друга, но розыгрыш не удался, а я сделаю вид, что поверил, мне не жалко.

– Чего вы хотите? – вздохнул Роберт.

– Во, деловое начало! Трубу, саблю и щенка бульдога. Впрочем, нет, сабля у меня уже есть. А пока, Роберт, или Якоб, или как вас там, давайте внесем ясность здесь, так сказать, на берегу. Если вы желаете заманить нас с другом в западню, то вам это не удастся. Но при этом «не удастся» пострададут люди. И, шю печально, этими людьми будете вы. Простите, мисс, не хотел огорчать, но такова правда. Если вы хотите выбраться из здешнего клоповника, то мы с Вальтаре готовы помочь.

– Он же заперт в камере!

– Ну да, человек решил отдохнуть перед ночным побе-

гом. Озаботился, чтобы зря не беспокоили. А шо, по-вашему, он должен носиться по двору, как в попу раненый джейран, разыскивая место для подкопа? Конец восемнадцатого века на дворе – эпоха Просвещения, кто сейчас так делает?!

– Я слушаю вас, Рейнар.

– Честно сказать, я бы сначала хотел услышать пару слов от вас. Что вы делали в Митаве, зачем шпионили за Конде, для кого шпионили и еще, лично от меня: шо это за стремительный подрыв с места? Только, пожалуйста, у нас не так много времени, поэтому, как в суде: правду, только правду и ничего, кроме правды. А то ведь мы с Вальтаре можем уйти и без вас, а вот когда освободят хозяина этих вещей, – Лис указал на связанный в узел лейтенантский мундир, – у крошки Софи могут начаться грандиозные неприятности.

– Хорошо, – недавний аббат мрачно сдвинул брови. – Меня зовут Арман де Морней, мы с сестрой уроженцы Луизианы.

– Ну да, это я знаю, – кивнул Лис. – Ты спяну как-то проболтался барону, что по красоте Софи нет равных в Новом Орлеане.

– Черт! – выругался кораблестроитель в сутане.

– Да ты так не богохульствуй! Я ж все равно в совпадения не верю. После исчезновения художника и случайного знакомства с вами, мисс Рид, отмотав воспоминания о нашем столкновении на крыльце, я четко увидел, так сказать, внутренним взором, что, выскочив на улицу, действитель-

но не обнаружил мальчика, как того ожидал. Зато буквально через мгновение из ворот собора вышла девочка с корзиной. Неслабая идея – использовать храмовые исповедальни вместо кабинок для переодевания! И то сказать, спрятал юбку под рубахой – получился буруз, вытащил юбку – хрупкая девушка. Так что прокол досадный, но, к счастью, не единственный.

– Вы очень наблюдательны, – тихо проговорила Софи. – Честно говоря, мы вас недооценили.

– Это бывает. Но, как говорил адвокат Пьер Патлен, «вернемся к нашим баранам». На кого вы работаете? И для чего шпионили за Конде?

– Я не могу назвать вам имя, но это очень влиятельный человек, и он ставит перед собой высокую и священную цель – возвращение на французский трон истинного короля. Не графа Прованского, не графа Артуа, а сына несчастного короля Людовика.

– О как интересно! – хмыкнул Лис. – Так его же вроде того... отправили к батюшке с матушкой.

– Он жив, – покачала головой мисс Рид. – Поверьте, мы сейчас связаны определенными обязательствами, но желали бы непременно представить вас ему. Ибо, насколько брат понял из задания, полученного вашим другом, во многом наши цели совпадают. Так что можете не опасаться, мы не агенты Директории. Более того, человек, о котором мы говорим, обеспечит вам покровительство и надежную защиту.

– *Ты слышал, Капитан?*

– *Естественно, слышал.*

– А теперь, месье, – усаживаясь рядом с Софи, вновь заговорил Арман де Морней, – скажите: на берегах Сакраменто действительно есть золото или это была только уловка?

– Я честный человек! – возмутился Лис. – И если я что-то говорю, значит, что-то при этом думаю. А теперь за дело. Вот вам костюм, и щас мы тут набросаем на белый лист пару слов для новой роли.

Глава 6

*Трудные задачи выполняем немедленно,
невыполнимые – чуть погодя.*

Генерал Василий Маргелов

Лис отошел на пару шагов и оценивающим взглядом смерил представшего его взору новоявленного лейтенанта королевских военно-морских сил.

– А ничего так. Одежка тесновата малеха, но, уж извини, выбора не было. И то сказать, лейтенант не адмирал, откуда ему взять денег на мундир по мерке?

– Но как я туда войду? – спросил Арман де Морней.

– Обычно, друг мой, английские офицеры перемещаются ногами вниз, но если вас пробьет на оригинальность...

– Вы понимаете, что я имею в виду.

– Драгоценный мой лейтенант, все очень просто. Здесь, в Брае, не так много офицеров. Все друг друга знают. Представитель короля Георга тоже приезжает со свитой, где все известны друг другу. Но первые со вторыми обычно незнакомы. Поэтому, увидев спокойно и уверенно шествующего лейтенанта, прекрасно изъясняющегося на английском, первые сочтут его офицером свиты, а вторые – здешней боевой скотинкой. А поскольку вы, святой папаша, столь предусмотрительно скрывали под капюшоном светлый лик, то шанс,

что вас узнают в фэйс лица... Скорее остров тронется с места и своим ходом поплывет во Францию.

Лис приложил руку к груди, включая закрытую связь.

– *Капитан, дело за мелочью. Ну то есть, теперь нужно ключевое слово. Шо будет тереть по ушам лейтенант Рид такого, шоб его посреди ночи пустили к утомленному милорду?*

Вызов Лиса отвлек меня от долгих сосредоточенных воспоминаний. В кои-то веки я с благодарностью вспомнил своего дядю-епископа, который разговоры на любую тему сводил к перечислению степеней родства английских аристократических фамилий. Особенно его увлекали их связи с нашим родом, и я был приговорен выслушивать многочасовые занудные лекции о скандалах и судебных разбирательствах в нашем хранимом Богом королевстве. Каким-то чудом он помнил все подробности семейных дразг британской аристократии, начиная примерно с Войны Роз. А что касалось рода Камдейлов, так и вовсе от Кнуда Великого²⁴.

К своему удивлению и немалой радости, мне удалось извлечь из недр памяти кое-какие замшелые сплетни относительно рода Габерлинов. Даже не пришлось взывать к помощи Базы.

– *Так, Лис, слушай и запоминай. Джозеф Уилки лорд Габерлин женат на Элизабет Леверидж, второй дочери Генри*

²⁴ К н у д В е л и к и й (994/995-1035) – король Дании, Англии и Норвегии, владетель Шлезвига и Померании.

Коснея, второго виконта Левериджа.

– Капитан, ты шо, издеваешься?

– Еще даже не начал. Он взял ее в жены из-за состояния отца, но этот пожилой джентльмен по сей день жив, совершенно не считаясь с тем, что леди Элизабет и в день бракосочетания была не молода и уже не хороша собой. И сейчас, после двадцати одного года брака, известна в округе сварливым и скандальным нравом.

– О, так мы, выходит, сделаем товарищу милорду тем большее одолжение, чем дальше мы его увезем?

– Об одолжениях потом. Так вот, эта леди Элизабет рядом со своим отцом просто нежный и кроткий агнец, тот вообще какой-то воинственный человеконенавистник. И это в свои восемьдесят три года! Мерзкий, желчный старикан. Но у него есть одна слабость, вернее, была.

– Ну, если была, то нам-то шо за дело?

– Погоди, именно это «была» играет нам на руку. Зовут слабость Томас Барнвил. Может, уже и звали, ни у кого нет точных сведений о нем.

– Старый хрен выступает по мальчикам?

– Старый хрен, будучи молодым, выступал по девочкам, и одна из них родила ему сына Генри. Расчувствовавшись, виконт подарил ей манор²⁵ Барнвил-Холл. В свою очередь, у его сына родился собственный, как две капли воды похожий на деда в юности. И так уж получилось, что этот

²⁵ М а н о р – феодальное поместье в средневековых Англии и Шотландии.

мистер Барнвилл, коего виконт официально признал своим внуком, исчез в неизвестном направлении пять лет назад. Может, убит, может, уплыл заморе, а может, был отправлен с тайной миссией в Россию. Томас долгое время крутился рядом с принцем Георгом, так что вполне мог стать тайным агентом. Положение среди родни у него шаткое, денег, как обычно, не хватало, но леди Элизабет всегда отличала его среди прочих охотников на батюшкино наследство.

— Серьезное наследство?

— Что-то около двух миллионов фунтов стерлингов.

— Ого!

— Да. После смерти виконта Левериджа случилась жуткая грызня, в результате дело велось вплоть до двадцатых годов прошлого века.

— Кто выиграл?

— Никто, род пресекся.

— Ладно, оставим историю новому Шекспиру. Если я тебя понял, ты и будешь у нас Томас Барнвилл, возвращающийся с победой домой?

— Именно так, геройский племянник сварливой леди Элизабет. Думаю, она не обрадуется, узнав, что ее дорогой мальчик гнил в камере, в то время как несносный муж мог одним росчерком пера вернуть его семье.

— А че, складно. Щас будем учить роль с лейтенантом Ридом.

Появление незнакомого офицера, как и предсказывал Лис, не вызвало особого интереса. Раз уж он в замке, значит, проверен и перепроверен. Караульный вяло отсалютовал ружьем, пропуская лейтенанта и какого-то дылду в штатском, видимо слугу. А вот отдохавший возле покоев лорда Габерлина адъютант ночным гостем заинтересовался:

– Чем вызван ваш визит в столь поздний час?

Но Арман де Морней при желании умел быть чрезвычайно убедительным:

– Здесь есть одно секретное дельце, сэр.

– Какое дельце, сэр?

– Секретное, сэр. У нас в крепости содержится некий французский офицер, который утверждает, что он англичанин, состоящий на тайной службе его величества. Он говорит, что его номер ноль-ноль-семь и он следует в Лондон после выполнения задания.

– Занятная история, сэр, но она может подождать то утра.

– Я так и сказал этому пленнику, но тот утверждает, что его настоящее имя – Томас Барнвилл и что он племянник миссис Элизабет Габерлин, урожденной Леверидж.

Адъютант скривился, будто съел устрицу, позабыв извлечь ее из раковины. Должно быть, перспектива разбудить его милость, да еще в столь поздний час, не вызывала у него

энтузиазма.

– А он точно Барнвилл?

– Откуда же мне знать? – пожал плечами Рид. – Но по-английски говорит, как настоящий лондонец, и сыплет именами, титулами и званиями, словно только вчера прибыл от двора короля Георга.

– Н-да, история... – Адъютант с заметной неохотой поднялся с места, пытаясь сообразить, за что ему достанется больше – за грубое вмешательство в череду снов милорда или за то, что дорогой племянник леди Габерлин продолжит страдать в тюремной камере, несмотря на четкий и ясный доклад? По всему выходило, что последний вариант хуже. В первом случае гроза могла пройти мимо, сменившись радостью встречи, во втором он рисковал обзавестись некоторым количеством влиятельных и знатных врагов на всю жизнь.

– Ждите здесь, – наконец выдавил он и скрылся за дверью покоев.

– Роберт, – наклоняясь к лейтенанту, тихо произнес Лис, – ты пока жди, а я тут метнусь, типа, в сортир, а заодно выясню, что у нас на этаже с охраной.

Де Морней молча кивнул, «отпуская слугу».

Адъютанта не было минут пять, за это время из-за двери не слышалось ни звука. Видимо, за стеной находился кабинет, а не спальня. Наконец офицер появился и предложил ночному гостю пройти.

Лорд Габерлин, невыспавшийся и недовольный, сидел в

атласном шлафроке²⁶ поверх ночной рубашки за рабочим столом, пытаясь сфокусировать взгляд и рассмотреть пришедшего в неярком свете зажженного канделябра.

– Лейтенант Рид, милорд, – отрекомендовался де Морней.

– Да, – невпопад кивнул представитель его величества. – Джереми сказал, что вы запихнули в каземат моего родича?

– Никак нет, сэр, он сидит в офицерской камере.

– Да к черту, хоть у вас в заднице! Каков он из себя?

– Рост выше среднего, широкие плечи...

– Долговязый, как все Левериджи! – процедил Габерлин. – Ни дать ни взять, моя Бэтси... Так где его носило все эти годы?

– В России, милорд.

– Какого дьявола он туда поперся?

– Он молчит об этом. Утверждает, что обязан доложить о результатах своей миссии непосредственно принцу Георгу.

– Принцу Георгу, – пробормотал недовольный лорд. – Потом еще скажут, что я мешал ему выполнить свой долг... Ладно, черт возьми, давай волоки его сюда.

– Если ваша милость напишет распоряжение, я приведу его так быстро, как только смогу.

– Это обязательно должен сделать я?

– Приказ мог бы отдать комендант, но он сейчас в городе.

²⁶ Ш л а ф р о к – в XVIII–XIX вв. домашняя одежда в виде длинного просторного халата, подпоясанного шнуром с кистями. Считалось вполне пристойным принимать гостей в первой половине дня в шлафроке.

Распорядитесь отослать за ним нарочного?

Лорд махнул рукой:

– Обойдемся. Где тут у него перо и бумага?

– Справа от вас, милорд.

* * *

Лейтенант Рид стукнул кулаком в железную дверь, закрывавшую проход в коридор старой башни. Дежуривший за ней капрал посмотрел в зарешеченный глазок, прорезанный в металлической толще, и сонно осведомился:

– Кто?!

– Офицер с распоряжением от лорда Габерлина. Открыть немедленно!

– О господи! – Капрал засуетился с ключами. – Одно мгновение, сейчас, сейчас.

Тяжелая дверь поддалась, и страж коридора вытянулся в струнку.

– Прошу извинить, господин лейтенант. Я думал, это Николас, который там внизу дежурит, погреться пришел. Не ожидал так поздно.

– Поздно, рано – не твое дело! Ты на военной службе. Вот предписание. Мне нужен заключенный, лейтенант Виктор Арно.

– Не извольте сомневаться, сию минуту!

– *Капитан*, – раздалось на канале связи, – *там к тебе*

щас цербер приковыляет. Ты ж его без моей помощи спать уложишь?

– Что за глупые вопросы?

– Ну, мало ли? Может, в застенках охлял, колыбельные петь разучился.

– Не беспокойся.

– Ладно, утешил. Я сейчас еще одного твоего земляка притащу. И давай буди мичмана, ему предстоит стать молчаливым английским капралом.

*** * ***

Пленник, сопровождаемый юным капралом и выдавшим виды рядовым стрелком с переносицей, в силу жизненных передраг имевшей форму латинской буквы s, проследовал мимо стражи у двери комендантского дома и, подгоняемый в спину тычками прикладов, тронулся вверх по лестнице. Шествующий впереди офицер приказал остановиться и отправился будить придремавшего адъютанта. Через несколько минут он появился на пороге: «Вводите». Конвоиры ввели арестанта в приемную лорда Габерлина и четким движением опустили ружья в положение «к ноге».

– К чему этот шум? – поморщился адъютант.

– Устав! – провозгласил лейтенант Рид, вкладывая в это волшебное слово весь опыт мировой строевой практики. – Караул – здесь, вы – со мной. – Он постучал в дверь кабины-

та. – По вашему приказанию, милорд.

– Да. Пусть войдет.

Лорд Габерлин уже сменил шлафрок на парадный мундир со знаком ордена Бани²⁷ на шее. Он сделал шаг навстречу вошедшему, распахивая объятия, да так и замер, не дойдя.

– Вы не Барнсвилл, сэ, – то ли утверждая, то ли спрашивая, проговорил королевский чиновник. – Тогда кто вы, черт возьми?!

– Это не важно. Важно, кто он. – Я выхватил из-под рубахи абордажный пистоль. – Настоятельно рекомендую! Стреляет недалеко, но заряд большой, и пуля величиною с голубиное яйцо.

– Это изме...

– Нет, нет, все нормально. Ваши люди верны вам, мои – мне. Все по-честному, обычная спецоперация. Если будете вести себя разумно, гарантирую вам жизнь, нет – гарантирую смерть.

– Чего вы от меня хотите? – поджал губы царедворец.

– Сделайте любезность, напишите приказ, в котором объявите куттер «Стриж» кораблем на британской военно-морской службе и весь его экипаж – приравненным в правах и обязанностях к офицерам и матросам королевского флота. Мы уходим в море немедленно.

Лорд Габерлин обмакнул перо в чернильницу и начал ста-

²⁷ О р д е н Б а н и – британский рыцарский орден, основанный Георгом I 18 мая 1725 г.

рательно выводить строки распоряжения.

– Что вы намерены сделать со мной?

– Если вы дадите слово джентльмена не предпринимать ничего против меня и моих людей, то, как только мы окажемся в безопасности, я предоставлю вам самому решать свою участь. Могу заверить, мне бы не хотелось проливать зря кровь.

За дверью послышался какой-то тихий невнятный шум, а потом сдавленный всхлип.

– Что вы сделали с Джереми?!

– Прошу вас, не отвлекайтесь, ничего серьезного. Ваш адъютант проведет остаток ночи на комендантских перинах. Надеюсь, это отчасти скрасит ему факт потери мундира.

– *Капитан*, – услышал я голос Лиса, – *давай заканчивай Тебя уже ждет переходящая капральская форма.*

* * *

Признаться честно, давно я не видел столь озадаченных лиц, как у матросов куттера «Стриж», когда вдруг среди ночи стража распахнула дверь барака и сурово, но без лишней грубости потребовала выходить с вещами на построение. В первые минуты французские моряки терялись в догадках, что бы это могло значить. Увидев своего командира в мундире английского офицера, команда зароптала, готовясь оказать яростное неповиновение предателю. Это был

бы наихудший вариант развития моего плана, но тут мы ничего не могли заранее предугадать.

Еще во время прогулки мичман умудрился переброситься словом с кем-то из матросов, но передал ли тот его слова команде? Дошел ли до недавних рыбаков и контрабандистов смысл приказа? А если дошел, соображают ли они, что именно в эту минуту настает урочный час?

Я приготовился изображать заправского капрала и восстанавливать прикладом и отборной руганью попранный нагледцами порядок, однако мичман хорошо знал свое дело. Он выступил вперед и заговорил голосом звонким и гулким, точно корабельная рында²⁸:

– Согласно моему сегодняшнему приказу вы вновь приступаете к службе под присягой на куттере «Стриж». Равняйся! Смирно! Боцман, стройте команду в колонну по три! За мной, шагом марш!

Должно быть, с этой секунды до экипажа стало медленно доходить, что все идет как надо, что их предводитель, как обычно, на высоте, что английский вельможа, сопровождаемый офицерами и двумя солдатами, – это, должно быть, часть гениального замысла капитана их маленького, но боевого кораблика. Недаром командира именуют «вторым после бога». А уж если Республика установила, что бога нет...

Стая морских волков брела по пирсу. Может, им и не хватало четкости шага английских стрелков, а одежда в стиле

²⁸ Р ы н д а – судовой колокол, служит для подачи сигналов и отсчета времени.

«кто во что горазд» не напоминала алые британские мундиры, но кому в море есть дело до печатного шага и щегольской формы? Команда шла к своему кораблю, задержавшись лишь на мгновение у замковой часовни, чтобы принять в свои ряды какого-то монашка в доминиканской сутане с нахлобученным на голову капюшоном и костяными четками в руках. Ну, монах так монах, отчего на корабле не быть своему капеллану? Выходит, бог таки есть, но и второй после него – немалая величина.

Часовой на пирсе всполошился было, увидев шествующую команду, но, заметив впереди самого лорда Габерлина с эскортом, успокоился и лихо вскинул оружие «на караул».

– Вольно! – скомандовал офицер в адъютантском мундире, протягивая часовому свернутый и пропечатанный алой сургучной печатью конверт. – Бегом к начальнику порта! Это приказ выпустить в море куттер «Стриж» и прислать сюда лоцмана! Живо-живо!

– Экипаж на борт! Приготовиться к отплытию!

* * *

Как и обещал Жак Леблан, «Стриж» был отменно быстр. Стремительно рассекая форштевнем невысокую волну, куттер скользил все дальше от Нормандского архипелага. Рассветный ветер наполнял паруса и радостно обдувал лица. Выйдя за границу прибрежных скал, командир легкокрыло-

го парусника отпустил лоцмана. Едва тот скрылся из виду, экипаж, не сговариваясь, принялся орать что-то невразумительное, ликуя, наслаждаясь свободой и посылая британцам все известные проклятия. Сам мичман с отвращением скинул темно-синий флотский китель, позаимствованный у адъютанта королевского наместника, и теперь, не обращая внимания на холод, разгуливал по палубе в батистовой сорочке и подвязанных веревкой заношенных красных панталонах на два размера больше, чем следовало. Должно быть, это старье осталось от прежнего командира и долго валялось в каком-нибудь рундуке в единственной на суденышке каюте.

Счастье переполняло сердца, рвавшиеся на родину. Поспешить действительно стоило – восьмифунтовые пушки куттера на сей раз служили бесполезным украшением: после стоянки на острове корабль остался без единого фунта пороха и вовсе без ядер. Да и вооружение экипажа, если исключить трофейные ружья, сабли и Лисовские абордажные пистолеты, составляли лишь кулаки матросов.

Ключья рассветного тумана еще цеплялись за бушприты и рей, но всякому было ясно, что очень скоро караул придет сменять охрану в замковой башне и, обнаружив камеры запертыми, не сможет найти сослуживцев. В уме я уже видел, как бегут докладывать, ругаясь во весь голос, ошалевшие сторожа, как бросаются на поиски наместника его адъютанты... Переполох на острове случится первостатейный, и, ясное дело, на поимку «Стрижа» отправится не толь-

ко фрегат, стоявший на рейде, но и все, что может двигаться. Конечно, уходя из Брая, мы попытались обмануть подозрительность моих соплеменников и поначалу шли в сторону Англии, пока очертания Сейнт-Энн окончательно не скрылись из виду. Но кто знает, удалась ли эта уловка? Как бы то ни было, времени на этот маневр мы потеряли довольно много.

Сидя за столом в каюте, я перебирал захваченные богатства: так и не распечатанный пакет от генерала Журдана плюс свежая корреспонденция с королевской печатью от лордов адмиралтейства, ждавшая утра на столе Габерлина. Рядом сокрушался Лис, сетуя, что оставил на острове казну королевского наместника. Без этого трофея победа казалась ему неполной, а веселье – неуместным. Когда ближе к вечеру марсовый²⁹ закричал с мачты: «Земля!» – с моей души упал огромный груз. В этот миг в дверь каюты постучали.

– Гражданин лейтенант! – объявил один из вахтенных матросов. – Пленник требует встречи с вами.

– Приведите, – распорядился я.

Через минуту моряк вернулся, ведя за собой лорда Габерлина.

– Сэр, – с гневом заговорил наместник, сверля меня пристальным недобрым взглядом, – вы обещали, что отпустите меня, когда окажетесь в безопасности. Но вот уже берега

²⁹ М а р с о в ы й – матрос-наблюдатель, располагающийся на закрепленной в верхней части мачты площадке – марсе.

Франции, а вы и не подумали сдержать данное слово. Это бесчестно, сэр!

– Ну что вы, милорд, – я покачал головой, – как вы могли так подумать? Я всегда держу слово. Но поймите и вы: корабль безоружен, да и будь он вооружен, встреча с фрегатом вроде «Неутомимого»³⁰ закончилась бы для него плачевно. Так что единственное сколько-то безопасное место для «Стрижа» – это французский порт.

– Да, но это...

– Понимаю, к чему вы клоните. Быть свободным, но окруженным врагами – не лучшая перспектива. Потому я готов предоставить вам свободу в любой момент, хоть сию минуту.

– Как вы себе это представляете?!

– Я берусь уговорить месье Леблана уступить вам шлюпку. В ней есть бочонок с водой. Простите уж, со съестными припасами на корабле плохо, но что найдем – все ваше. Вы получите весла, компас...

– Вы что же, имеете в виду шестивесельный ял, стоящий на палубе?

– К сожалению, другого нет.

– Но один человек едва ли может сдвинуть его с места, даже на спокойной воде.

– Увы, у меня нет других пленников. Клянусь честью, я бы отпустил их с вами. А так – могу дать лишь то, что имею. Лорд Габерлин скривил губы в презрительной усмешке:

³⁰ «Неутомимый» – 52-пушечный фрегат британских ВМС.

– Да уж, перспектива не из лучших. Что ж, месье, раз вы утверждаете, что всегда держите слово, продолжу оставаться вашим пленником. Но учтите, я в любой момент, когда сочту удобным, могу потребовать свободы.

Я посмотрел на англичанина. Когда-то в молодые годы отец сказал мне: «Достойный враг – это полврага», – и жизнь никогда не давала мне случая усомниться в правоте его слов. Я глядел на хмурое лицо, ловил высокомерный взгляд и слушал доносящиеся с палубы команды мичмана. Корабль готовился к швартовке.

– Хорошо, пусть будет так.

– *А то ведь может быть и так*, – встрял Лис на канале связи. – *Капитан, ты опять в своем репертуаре? На хрена тебе личный пленник? Мы шо, потянем этот якорь в Париж?*

Глава 7

*Никогда не знаешь, что придет завтра –
следующее утро или следующая жизнь.
Тибетская мудрость*

Трехцветный флаг на мачте куттера радостно трепетал на ветру, точно порывался опередить корабль и влететь в порт Бреста вольной птицей. Должно быть, команду с кораблем здесь уже числили пропавшими, и теперь на берегу царило радостное возбуждение. Орудийные залпы крепостной артиллерии, салютовавшей в акватории порта маленькому кораблику, звучали так торжественно, будто «Стриж», как минимум, пустил на дно линейный корабль англичан.

И то сказать, фортуна не баловала республиканский флот победами. Всего четыре года назад британцы ворвались прямо в Брест и разгромили стоявшую здесь эскадру адмирала Вилларе-Жуайеза, захватив в плен шесть мощнейших кораблей и еще один утопив. На этом фоне даже удачный побег крошечного посыльного судна выглядел победой. У пирса уже собралась ликующая толпа, с борта я отчетливо видел толстяка, подпоясанного трехцветным шарфом мэра, и генерала, размахивающего шляпой, – должно быть, начальника гарнизона крепости. Мичман Леблан, оглушенный столь восторженным приемом, то и дело оглядывался на меня,

словно ища поддержки. Его матросы и вовсе казались ошарашенными.

Едва раздалась команда: «Отдать швартовы!», оркестр грянул «Марсельезу», и понеслось, и закрутилось. Командир «Стрижа», его команда и прочие беглецы стали героями дня, вернее, ночи. Им наливали бесплатно, много и везде. Лишь обессиленная пережитым Софи отправилась в предоставленный мэром номер лучшей в Бресте гостиницы. Брат через некоторое время присоединился к ней. Признаться, я бы с охотой последовал их примеру: усталость давала о себе знать. Но, снабженные самыми лестными рекомендациями Леблана, мы с Сергеем просто не могли вырваться из толпы восторженных слушателей, требовавших все новых и новых подробностей нашего смелого предприятия. С их стороны это было неосторожно. Лис был в своей тарелке, которая ближе к утру больше напоминала рог изобилия.

С каждой минутой побег становился все красочней и драматичней. Я уже начал опасаться, как бы здешний гарнизон, наслушавшись моего друга, не предпринял дерзкую вылазку с целью захватить опустошенные и разгромленные нами крепости Нормандского архипелага. Я едва сдерживался, чтобы не полезть объяснять молодым офицерам, взявшим Лиса в плотное кольцо, что его байки противоречат элементарной логике, что за имевшееся у нас время мы бы просто не успели совершить такое количество подвигов. Но французы внимали Рейнару с восхищенной преданностью кроликов на

завтраке у питона.

А мой напарник, ободренный вниманием, повествовал все вдохновеннее.

Единственная заминка вышла, когда генерал Орн, командующий гарнизоном Бреста, потребовал сдать ему пленника. Я вытянулся, как подобает штабному, и объявил:

— При всем уважении, месье, я не имею возможности подчиниться вашему приказу. Наместник английского короля слишком важная птица, чтобы сидеть в здешнем каземате. Я обязан доставить его в Париж, к военному министру.

— Приказы здесь отдаю я, — нахмурился генерал Орн.

— Так точно! — гаркнул я. — Прошу вас, мой генерал, напишите приказ, в котором вы принимаете на себя ответственность за судьбу лорда Габерлина и оставляете его в Бресте, проигнорировав мое недвусмысленное предупреждение о том, куда и с какой целью я сопровождаю этого вельможу. Пусть генерал Бернадот предъявляет дальнейшие претензии вам, а не мне.

— Вы много на себя берете, лейтенант!

— Я лишь выполняю свои обязанности и потому доставлю в Париж генералу Бернадоту либо самого лорда Габерлина, либо приказ, в котором вы забираете его у меня.

Генерал Орн гневно сверкнул глазами, повернулся ко мне спиной и зашагал вон из зала, расталкивая плечами встречную публику.

— Капитан, ну и зачем ты себе нажил врага на пустом

месте? Отдал бы ему милорда, и дело с концом.

– Я дал слово.

– Ну, дал. В конце концов, будь ему хозяином. Сам дал, сам взял обратно. Я, конечно, не Нострадамус, шоб настрадать тебе будущее, но предрекаю вполне ответственно: когда-нибудь эти аристократические заморочки доведут тебя до плахи.

– Уже не раз доводили.

– Но может случиться, что меня рядом не окажется.

– И тем не менее, Сергей. Я дал слово.

– Назло врагам, козу продам, гиоб дети молока не пили.

Мы шо, действительно потащим лорда в Париж?

– Если он по своей воле не решит покинуть нас.

– Ага, только если он решит нас покинуть и мы, как благородные кабельеры, помашем ему вслед кружевными платочками, то у нас возникнут глобальные проблемы с недержанием головы на плечах. Он же теперь ценный пленник, его отпускать нельзя. Такой был вариант! Пришел, развел руками: извини, лорд, хотел я тебе помочь, лодку предлагал, последним сухарем делился, ты не поплыл, а теперь целый генерал тебя у меня отбирает. Или вот еще: все, что обещал, я обязательно выполню, когда в следующий раз приеду в Брест, а пока этот славный генерал обеспечит тебя жильем и пропитанием. Тоже мне, рыцарь печального действия...

Я почувствовал, что настроение у меня окончательно пор-

тится.

— *Да ладно, Капитан, — продолжал Лис, глядя на мое хмурое лицо, — ты старший, тебе решать. Авось порвемся.*

* * *

Празднества затянулись за полночь, но пробуждение было совершенно безрадостным. Едва я попытался выйти из номера, как обнаружил у двери пару дюжих солдат национальной жандармерии с ружьями; насколько я успел заметить, еще двое стояли у соседнего номера, в котором любезный мэр, он же хозяин гостиницы, поселил Лиса. Чуть дальше, у номера лорда Габерлина, стражей было аж четверо во главе с сержантом. Можно было предположить, что силы нашего караула этим не ограничиваются. Как только я показался на пороге, часовые скрестили передо мной оружие, недвусмысленно давая понять, что дальше пути нет.

— *Лис, — я вызвал друга, — у нас проблемы.*

— *Все лекарства в аптечке, — не просыпаясь, проворчал Сергей, — в потайном кармане у тебя пять золотых монет, бутылка лафита на столе. Отстань, дай выспаться!*

— *Какое там выспаться, мы под стражей!*

— *Ну и прекрасно. Значит, никто не потревожит мой сон, ну, кроме тебя, конечно... Стой! Под какой стражей?!*

— *Какой-какой? Неусыпной.*

— *Как интересно! И шо сия аллегория означает? Это ге-*

нерал Орн так расстарался?

– Не знаю. Скорее всего, не он. У дверей национальная жандармерия, они подчиняются местной власти.

– Забавно. Ладно, узнавай, я пока приведу себя в порядок.

Я вернулся в комнату надел лейтенантский мундир и, распахнув дверь, потребовал к себе начальника караула. Сержант, замеченный мной у двери лорда Габерлина, устремился ко мне, как голодный к сдобному калачу.

– К вашим услугам, гражданин лейтенант!

– Что все это означает?

– Приказ мэра, – замялся собеседник и страдальчески поглядел на меня. – Прошу извинить, я бы никогда... Арестовать человека, утопившего собственноручно два английских фрегата и взорвавшего крепость при помощи одной лишь морской воды, объедков и перьев из плюмажа...

– Лис, это ты наплел?

– Переверл все ингредиенты! Я совсем не то имел в виду.

– Месье, прошу, не убегайте от нас. Я, конечно, понимаю, это не составит для вас труда, но поймите, мы лишь выполняем приказ и город ни в чем не повинен! – Похоже, сержант едва не плакал.

– погоди, – остановил я поток его причитаний. – С чего ты взял, что я могу так поступить с соотечественниками? Я же не какой-нибудь там... мерзкий англичанин?!

На канале связи послышалось сдавленное хихиканье Лиса:

– О, *браво!* Бис!

– Мэр велел немедленно сообщить, как вы проснетесь, – видя, что гроза проходит мимо, радостно объявил начальник караула. – Не извольте беспокоиться, сейчас он прибудет и все объяснит.

– Что ж, подождем. – Я собрался было закрыть дверь.

– Прикажете подать бритвенный прибор и воду для умывания? – Сержант повернулся и сделал знак одному из своих подчиненных. – А пока суд да дело, можете, расскажете, как вы шли на abordаж линейного корабля, используя ручных акул?

* * *

Мэр действительно не заставил себя долго ждать: я даже не успел вытереть пену с лица. Увидев в моей руке открытую бритву, он сделал большие глаза и попытался было сдаться назад. Наверное, кровь застыла в его жилах, хотя за спиной маячили примерно дюжина жандармов.

– Месье лейтенант, я невиновен! – сразу объявил он.

– В этом мы сейчас разберемся, – многообещающе заявил я, обтирая лицо и складывая бритву.

– Это все приказ министра! – взволнованный мэр продолжал давить на жалость. – Я ни при чем!

– Какой еще приказ министра?

– Его доставил мне офицер сегодня утром.

– Постойте, уважаемый. Только вчера, почти в сумерках, мы вновь ступили на землю Франции. Откуда министру об этом знать? Когда он успел бы написать и прислать какой-то приказ?

– Именной! – Мэр чуть не плакал от смущения. – Касательно ваших особ.

– Чьих наших?

– Вас и господина Сержа Рейнара д'Орбиньяка приказано содержать три дня под домашним арестом, не чиня каких-либо притеснений.

– Что за бред?

– Лис, ты что-нибудь понимаешь?

– Какой заботливый министр. Знает, что у нас шила в заднице не утаишь, так он решил предоставить нам три дня оплачиваемого мэрией отпуска в такой навязчивой форме... Кстати, почему только нам? Где достойный пера, божьей милостью, художественный кораблестроитель?

– Откуда мне знать? Я из номера так и не выходил.

– Ну так узнай, а то он мне очень нужен.

– Зачем?

– Ну, понимаешь, Капитан, это ж я вчера еще был до омерзения благородным британским джентльменом, а сегодня я опять меркантильный гасконец. И меня так гнетет, что я оставил без присмотра английскую казну, шю я еле встал с кровати, причем с головной болью.

– Вероятно, ты просто вчера перебрал.

– Тоже мне доктор выискался.

– Художник-то тебе зачем?

– Как зачем? Нарисовать карту.

– В каком смысле карту?

– Ну не даму пик, конечно! – Лис взвыл. – Уж Германн близится, а полночи все нет. Понимаешь, я тут вчера одному энтузиасту рассказывал, как мы утопили фрегат с английской казной...

– Постой, она ведь была на суше!

– Это было в другой раз! Короче, я получил сотню золотых за карту. Понятно, это лишь задаток, и я, как честный человек, обязан предоставить ее заказчику. Желательно, чтобы она представляла хоть какую-то ценность. Например, художественную. Слушай, Капитан! Если что, ты ж у нас тоже карты рисовать умеешь?

Я вдруг замер от неожиданной мысли.

– Лис, ты гений!

– Да не, посредственная в общем-то афера, можно было и круче. За три дня я точно шо-нибудь придумаю.

– Я не о том! погоди, сейчас надо с мэром пообщаться.

– Достопочтенный господин мэр, во-первых, я хочу знать, какой именно министр приказал вам арестовать адъютанта командующего армией, выполняющего свой прямой долг?

– Как это какой? Министр полиции.

– Замечательно. Мог бы я посмотреть приказ?

Толстяк в трехцветном шарфе раскрыл сафьяновую пап-

ку и протянул мне лист. Я поднес его к свету и начал внимательно изучать текст, почерк и линии печати.

– Господин мэр, у меня для вас неприятные новости.

– В чем дело? – всполошился собеседник.

– Во-первых, как вы сами видите, лист не согнут, в то время как адъютанты, уж поверьте, я знаю, возят пакеты, а не папки с документами. Так удобнее. А лист в пакете складывается пополам. Кроме того, пакет, как вы, несомненно, знаете, опечатывается сургучной печатью, чего в данном случае нет. Во-вторых, поглядите внимательно на текст письма.

– Гражданин лейтенант, я пять раз прочитал текст, прежде чем отдал приказ.

– Я не о том. Поглядите на него вблизи: кое-где на буквах видны следы песка, которым посыпали адресованное вам послание. Если бы приказ был написан хотя бы вчера и его везли даже не обязательно из Парижа, хотя бы из ближайшей деревни, песчинок бы уже не было. Стало быть, текст написан сегодня утром и сразу передан вам. То, что приказ фальшивый, подтверждает и печать.

– Но она выглядит совсем как настоящая!

– Ключевое слово здесь «как». Если вы присмотритесь, линии этой печати чуть толще, чем должны быть.

– Да?

– Можете сравнить. Обычная министерская печать гравирована на металле, а эта, хоть и мастерски вырезана, но из менее твердого материала, на котором нельзя достичь подоб-

ной тонкости линий.

– Но подпись!

– Если хотите, мой друг Рейнар нарисует вам на этом месте еще штук двадцать неотличимых подписей. Это фальшивка, месье.

Мэр выглядел окончательно и бесповоротно обескураженным.

– Кто же осмелился так глупо пошутить? Этот офицер...

– Кстати, как он выглядел?

– Высокий, статный, рыжеволосый, усы, бакенбарды, полицейский мундир.

– Ну да, конечно, рыжие усы и бакенбарды всегда притягивают к себе внимание. Скажите, пожалуйста, наши друзья, брат с сестрой, еще не проснулись?

– Что вы! Они отбыли из Бреста еще на рассвете.

– Понятно. Тогда я рекомендую вам проверить, не пропал ли этой ночью у какого-нибудь полицейского офицера мундир.

* * *

Выехать из города удалось лишь во втором часу пополудни. Ошеломленный моим разоблачением неведомых преступников, мэр отправился в ратушу и собрал двухчасовое совещание народных представителей, чтобы подписать наше освобождение из-под домашнего ареста. Кажется, он так до

конца и не поверил моим словам и старался возложить ответственность равномерно на все имеющиеся в округе плечи. Лишь сообщение некоего полицейского чина о том, что смазливая вертихвостка, с которой он познакомился вечером, нагло сперла казенный мундир, положило конец его сомнениям.

И вот наконец мы смогли расстаться с навязчивым гостеприимством Бреста и отправиться в столицу. Правда, до этого нам пришлось снова встретиться с генералом Орном, настоятельно желавшим дать нам в сопровождение десятков местных драгун. Мне с трудом удалось отклонить этот щедрый жест, убедив начальника гарнизона, что отряд движется медленнее, нежели трое всадников, что он слишком малая сила для серьезного боя, зато слишком крупная цель и хорошая приманка для тех, кто задумал недоброе. Генерал вынужденно согласился, но, как мне показалось, его глодала мысль, что в какой-то момент мы просто исчезнем из-под носа собственного эскорта, не сказав на прощание «оревуар». И хорошо, если просто исчезнем. Пущенные Лисом слухи, проворно слетая с языка офицеров гарнизона, стремительно обрастали живописными подробностями. Хотя, на мой взгляд, к совершенству не прибавить.

Я ехал молча, оставив Лису возможность болтать с лордом Габерлином, а заодно и заботиться о предстоящей ночевке. Насколько мне было известно, мятежная Вандея³¹, че-

³¹ В а н д е я, Вандейский мятеж – активная вооруженная борьба народа, ду-

рез которую предстояло ехать, считалась замиренной. Хотя кое-где случались нападения на республиканские патрули и убийства судебных чиновников, это не выходило за рамки среднестатистической преступности. В конце концов, бандиты на большой дороге встречались и при Короле-Солнце, и при Карле Великом.

– *Ау Вальдар! Че ты хмур, как день ненастный? Мамзель покоя не дает?*

– *Да как тебе сказать? Конечно, само по себе наше утреннее приключение – какая-то тошнотворная ерунда.*

– *Но?*

– *Но. Во-первых, мне казалось, что после освобождения и побега с острова мы уже можем как-то доверять друг другу. Получается, что искренность де Морнея и на этот раз была фальшивой. Тогда становится вовсе непонятно, кто он и на чьей стороне играет. Можно предположить, что в Париже нас будет ждать куда менее торжественный, но куда более жаркий, чем в Бресте, прием.*

– *Ага, такой жаркий, что аж под пятками запечет. Как думаешь, сколько времени потребуется, чтобы размножить наши портреты и снабдить ими всех столичных полицейских?*

– *Слава богу, принтеров еще не изобрели, но, думаю, мож-*

ховенства и дворянства против новых порядков в годы Французской революции. Начался в 1793 г. в департаменте Вандея, охватывал большую часть Пуату, Анжу и Бретани.

но один раз сделать гравированное клише, а потом шлепать оттиски, пока не надоест.

– Так шо, нам в Париж особо соваться не стоит? Может, попробуем Бонапарта перехватить по дороге?

– Вряд ли получится. Он будет ехать с хорошей охраной, так что подступиться к нему – задача не из легких, хотя этот вариант мы тоже пока сбрасывать со счетов не будем.

– Слушай, Капитан, ответь мне на простой вопрос, хотя на первый взгляд он может показаться странным: а что, если мы вообще на все забудем? Ну дорвется Наполеон до власти, ну станет императором. Конечно, Европа получит такую встряску, что ей до конца времен икаться будет, но, в конце концов, этот вариант мы уже проходили. Наверняка в Институте придумают, где соломку подстелить.

– Это верно. Но если мы не дойдем, пришлют других, а может, и уже послали. Кроме того, есть роялисты иного толка, нежели Конде. Они тоже могут делать ставку на молодого амбициозного генерала. Мы должны оказаться рядом, чтобы институт мог в нужный момент понять, что и для чего предпринимать. Наполеон, словно горящая свеча на бочке с порохом, может сама по себе погаснуть, а может...

– Ага-ага, я помню: чтобы вас не разнесло, не жрите после шести и не курите на бензозаправке.

– Что-то вроде того. Наполеон уже увенчан славой, но вряд ли сам толком знает, к чему стремится. Он может

принять любое решение, и от этого решения, возможно, будет зависеть судьба мира.

– Так шю, отправляемся в западню?

– Не хотелось бы. Посмотрим по обстановке. В конце концов, в приказе, который Рид нарисовал для мэра, есть некоторые странности.

– Например?

– Арест на три дня. С одной стороны, что мешало Роберту, или Арману, кто знает, как его зовут на самом деле, явиться к тому же мэру, открыть карты и объявить нас роялистскими шпионами? Это куда проще, чем вырезать печать, подделывать министерскую подпись... С другой – за трое суток можно надежно оторваться от погони, но в то же время не потерять нас из виду. Месье де Морней уверен, что мы никуда не сбежим, а продолжим свое дело. Стало быть, направимся в Париж. Если помнишь, он нам обещал знакомство с хозяином. Возможно, это не блеф. Возможно, он лишь желает выиграть немного времени, чтобы предупредить шефа о предстоящем визите.

– Рискованная игра.

– Не без того. Но де Морней вообще склонен к авантюрам. А поскольку мы не знаем, что в его рассказах правда, а что нет, остается верить, что мы все же на правильном пути.

– Ага, и что золотой крючок надежно держит его за жабры.

Мы проехали чуть более двух часов по тракту, связывающему крупнейший порт Бретани с Парижем. Дорога была на удивление пуста, лишь изредка попадались крестьяне с вязанками хвороста или мелкие торговцы на тележках, запряженных мулами. И те и другие опасливо косились на офицера и его спутников. Завидев нас издалека, встречные съезжали на обочину и делали вид, что поправляют упряжь и ужасно заняты, демонстративно стараясь не вступать с нами ни в какие контакты.

– Шо-то мне это не нравится, – процедил Лис, оглядываясь по сторонам. – Стойкое ощущение, что кто-то нас пасет.

– В каком смысле пасет? – обернулся я.

– В смысле зыркает, пялится. Ну, зенками дырки протирает!

Я как раз собрался осведомиться у друга о смысле загадочных слов, неизвестных «Мастерлингу», но тут веками росшая около дороги липа рухнула наземь впереди нас с грохотом, от которого содрогнулась округа.

– Шо-то я чувствую себя волком в красной шапочке, – выхватывая пистоль и придерживая удила, чтобы усмирить вставшего на дыбы коня, сказал Лис. – Не нравятся мне эти лесорубы!

Второе дерево с треском упало позади нас, и в тот же миг из подлеска на дорогу высыпало несколько десятков бог весть кого, в обносках, мундирах, а кое-где – даже в подвязанных веревкой штанах, но все сплошь вооруженные до

зубов и с крайне мрачным выражением лиц. Грудь каждого разбойника украшала белая нашивка с алым сердцем, из которого вырастал крест. Я до половины вытащил из ножен саблю, но, быстро оценив ситуацию, со звоном вогнал ее обратно. Эпическому герою рыцарских романов, несомненно, следовало обнажить клинок и разметать эту разношерстную толпу, как грозный вихорь опавшие листья, но лично я не видел ни одного человека, которому бы такое удалось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.